

Самюэль Батлер

(Samuel Butler)

НИГДЕЯ

(Erewhon, 1872)

пересказал с английского Ю. Г. Коновалов

ЧТО ТАМ?

В ясную погоду в нескольких милях от пастбища я видел покрытую снегом вершину очень высокой горы. Я никогда не забуду чувство какого-то неизбывного одиночества и заброшенности, которое возникало у меня при взгляде на эту гору и на прилегающую к ней обширную равнину, при взгляде на эту широкую реку и на широкое небо... Картина эта менялась в зависимости от погоды: иногда это были чёрные горы на фоне белого неба, а иногда (в холодное время года) это были белые горы на фоне чёрного неба. В туманные дни я иногда взбирался на высокую гору и смотрел с высоты на бескрайнее море густого белого тумана, из которого торчали, подобно островам, заснеженные горные вершины...

Массивная горная цепь на горизонте ещё никем не была исследована, но уже одним только видом своим оставляла мало надежд на то, что там есть хоть какой-то проход на другую сторону этой горной гряды. Впрочем, людям не раз удавалось находить тропинки в таких местах, которые издали кажутся совершенно неприступными... Что там, за этим горным массивом? Об этом не знает ни одна живая душа на свете, за исключением тех людей, которые живут там, если, конечно, там кто-то живёт... Смогу ли я когда-нибудь туда пробраться? Если да, то это будет самая большая победа в моей жизни! Даже если я не найду там людей, я мог бы найти там медь или серебро, алмазы или золото. Иногда, склонившись над ручьём, чтобы напиться, я замечал в песке блестящие на солнце крупички. Что это? Золото? Люди говорят, что нет там никакого золота. Но они всегда так говорят, пока кто-то это золото не найдёт! Там было немало гранита, который, как

известно, часто встречается в тех местах, где есть золото... Эти мысли постоянно ко мне возвращались, и я никак не мог от них избавиться...

Добраться туда было очень трудно, но там всё же были горные проходы, один из которых начинался прямо за нашей рекой. Я купил старую вьючную лошадь, на которую я мог бы нагрузить съестные припасы, одеяла и небольшую палатку, и за чарку водки в конце каждого дня нанял проводника. В поисках брода через реку я планировал ехать верхом на своей лошади, а мой проводник должен был вести под уздцы мою вьючную лошадь, которая могла ему пригодиться и при переходе вброд через реку. Мы запаслись солёной бараниной, сухарями, табаком, чаем, сахаром и виноградной водкой и летом 1870-ого года отправились в путь.

В ГОРАХ

В первый день мы успели до темноты пройти 25 миль и устроились на ночлег в том месте, где наша река впадала в узкое горное ущелье. Уровень воды в реке был невысокий, но нам пришлось преодолеть ещё пять или шесть бурных горных ручьёв с таким сильным течением, что даже взрослый мужчина не мог устоять в воде на ногах, – мы пересекли их сидя верхом на лошадях.

Почва там была каменистая, и мы с трудом нашли для постели маленький пяточок, покрытый жёсткой травой. Перед сном, лёжа на одеялах, я смотрел на звёзды и на лунный свет, отражаемый горными ледниками, слушал, как пофыркивают на привязи наши лошади, и, несмотря на все трудности нашего путешествия, душа моя наполнялась ощущением того особого радостного умиротворения, которое дано испытать, наверное, только тем людям, которые провели несколько дней подряд в седле и ночевали под открытым небом...

Мы редко замечаем, когда нам бывает действительно хорошо, но в этом есть и положительная сторона, потому что в противном случае мы тяжелее переживали бы трудные времена...

Три недели прошли незаметно. Мы исследовали все окрестные ручьи, пока не убедились, что дальше нам дороги нет: мы везде упирались в отвесные скалы, покрытые скользким льдом. Оставался неисследованным только один ручей. Мой проводник сказал мне, что и там дороги нет, но я не поверил ему и ранним утром, пока он ещё спал, я обнаружил, что этот ручей приведёт нас к перевалу, покрытому глубоким снегом, но не льдом. Это открытие меня очень обрадовало, однако, когда я вернулся к нашему

пристанищу, я обнаружил, что мой проводник бросил меня одного и быстро спускается обратно в долину. Я хотел догнать его, но он был уже слишком далеко... Я присел на большой камень и стал обдумывать своё положение. Было совершенно ясно, что по какой-то причине мой проводник не хотел, чтобы мы продолжали наш путь. Что мне было делать? Возвращаться назад? Именно тогда, когда я нашёл выход к перевалу?! Но и продолжать путь в одиночку было очень опасно. Любая случайность может оказаться смертельной. Вдруг я подверну ногу? Вдруг я провалюсь в расщелину и кругом не будет никого, кто бросил бы мне верёвку? После долгих размышлений я всё-таки решил продолжать восхождение. Очень уж мне хотелось увидеть, что же там, на той стороне этой горной гряды. Ну а если окажусь в смертельно опасном месте, думал я, тогда – ничего не поделаешь – поверну обратно. Еды у меня было достаточно, потому что мой напарник, убегая от меня, бросил свой мешок с провизией. У меня были и сухари, и табак, и чай, и спички, и котелок, и топорик, и даже фляжка с виноградной водкой. И я решил, что я ни за что не поверну назад, если только не вынужден буду это сделать... Через несколько часов пути мне оставалось не больше десяти минут до вершины перевала. Ещё никогда в жизни я не был так радостно взволнован! Но вот – я на вершине! Одного только взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что эта горная цепь не была самой высокой... В глубокой пропасти подо мной ревел грязный, мутный, стремительный поток, а кругом возвышались почти отвесные скалы, покрытые скользким льдом... Я взглянул в другую сторону – и обомлел! Прямо передо мной, через удобный горный проход открывался вид на далёкую и обширную голубоватую долину. Я не верил своим глазам! Проход между двумя ледниками был, и вправду, очень удобным. Несколько высоких, но вполне преодолимых холмов, небольшая речка между ними, а дальше (уже в долине) –

большая река с травянистыми лугами и низкорослым кустарником вдоль берегов. Я не мог поверить в свою удачу! В этот момент набежавшее облако скрыло от меня прекрасную долину. Окажись я на этом же месте пятью минутами позже – и я не увидел бы ни этот горный проход, ни прекрасную долину за ним... Но облако скоро растворилось – и передо мной снова открылся восхитительный вид...

Уже темнело, и меня пробирал до костей вечерний холод. Нельзя было стоять на месте. Надо было двигаться или вперёд, или назад. К счастью, я нашёл большой камень, за которым мне удалось укрыться от холодного ночного ветра. Я сделал несколько глотков из фляжки с водкой – внутри потеплело. Я начал думать, что делать дальше. Удастся ли мне безопасно спуститься к реке? Смогу ли я её переплыть? Плаваю я очень хорошо, но и течение там, наверное, сильное. А если меня затянет в воронку? И что делать с моими пожитками? Если я их брошу, то могу погибнуть от голода или от холода, а если поплыву с мешком за спиной, то он утянет меня на дно... Однако возможность найти незанятую землю под пастбища и объявить её своею укрепляла мою решимость.

Я обнаружил проход в казалось бы непроходимых горах. Конечно, я понимал, что в случае неудачи я могу заплатить за своё открытие жизнью, но я чувствовал, что жизнь моя потеряет для меня свою ценность, если я не воспользуюсь преимуществами своего открытия... До наступления темноты оставалось не больше часа, и нельзя было терять ни минуты. Я начал спускаться с горы, надеясь по пути найти подходящее место для ночлега. Я продвигался вперёд быстро, но со всей возможной осторожностью. Чтобы не сорваться вниз, я цеплялся за редкие кустики или просто за жёсткую траву, но очень скоро я оказался на краю глубокой пропасти, на дне которой ревела бурная река. Пришлось возвращаться назад. Однако на обратном пути я угодил в неглубокий, но стремительный

ручей, течение потащило меня (судя по шуму впереди) в сторону водопада, который вполне мог стать конечным пунктом в моём путешествии... Впрочем, мне опять повезло: я не разбился насмерть об острые камни внизу и, несмотря на многочисленные ушибы и ссадины, продолжал бороться с водой. А за водопадом русло речки было значительно шире, течение ослабло, и в конце концов мне удалось выбраться на берег до наступления полной темноты... Мой вещевой мешок и все мои вещи промокли насквозь, но спички, чай и сухари я предусмотрительно завернул в туго скатанные и соединённые концами одеяла, которые я надевал через плечо, время от времени перекидывая эту скатку с одного плеча на другое. Какова же была моя радость, когда я, развернув эти мокрые снаружи одеяла, обнаружил, что глубоко внутри они остались сухими.

Я развёл костёр и вскипятил в котелке воду. Горячий чай и сухари вернули меня к жизни. Но вместе с тем пришло и ужасное чувство отчаяния. В полном одиночестве и почти без всякой надежды на спасение человек не долго может сохранять здоровый рассудок... Но когда я смотрел на одеяла или слышал тиканье моих часов, я испытывал приятное чувство единения с другими людьми, продуктами труда которых я пользовался.

Проснувшись среди ночи, я услышал какие-то звуки. Поначалу я подумал, что это продолжение моего сна, но потом убедился, что не сплю. И всё же, я явственно слышал эти звуки. Это были звуки музыки! Что это? Игра воображения? Наконец, ветер, доносивший до меня эти звуки, утих, и я перестал их слышать. Слава Богу, я, кажется, избавился от этих вызванных одиночеством галлюцинаций. Я даже посмеялся над своей впечатлительностью. Потом я прочёл молитву (чего давно уже не делал) и крепко уснул. Утром я снова разжёл почти потухший костёр и позавтракал в обществе маленьких птичек, которые бесстрашно прыгали по моим ботинкам и даже клевали крошки с моей

руки. Настроение у меня улучшилось Однако, скажу честно: тем, кто планирует совершить подобное путешествие, я посоветовал бы остаться дома. О таких приключениях приятно мечтать до их начала и приятно вспоминать, когда они уже позади, но во время таких приключений неизбежно приходится испытывать некоторые "неудобства".

После нескольких часов утомительного и опасного пути, разорвав свои ботинки об острые камни и не обращая внимания на многочисленные ушибы и ссадины, я вышел к бурной реке, которую видел с перевала. Я не рискнул перебираться через этот стремительный и грязный поток вплавь и решил построить плот. Я обнаружил у берега какое-то растение, похожее (судя по цветам) на ирис. Длинные листья этого растения можно было легко расщепить по вдоль на полоски, которые было почти невозможно разорвать поперёк. Связав эти полоски между собой, я сделал из них очень прочную верёвку. Стебли этого растения, лёгкие, но прочные, были похожи на бамбук. Я сделал из них несколько пучков и крепко перевязал эти пучки между собой. К вечеру того же дня мой плот был готов. Он не был устойчивым на воде, поэтому я, привязав всё своё снаряжение к себе, а себя к плоту, лёг на него таким образом, чтобы я мог грести руками. После долгой и изнурительной борьбы с быстрым течением мне удалось пристать к противоположному берегу, хотя и мой вещевой мешок, и моя одежда были насквозь мокрыми. Однако мои свёрнутые в тугой рулон одеяла снова помогли мне сохранить сухими сухари и спички. Я поймал на берегу пару непуганных диких уток и приготовил себе на костре шикарный мясной ужин. Я подсушил слегка влажный табак, закурил, сделал два глотка из фляжки с водкой и, будучи довольным собой, улёгся спать прямо под открытым небом.

Я проснулся ранним утром со смешанными чувствами грусти (когда я думал о своём одиночестве) и гордости за свои успехи (когда я вспоминал о своих недавних опасных приключениях). После четырёх или пяти часов утомительного подъёма в гору я оказался, наконец, в том горном проходе, который я уже видел с высоты перевала. Я оглянулся на высоченные обрывы и заснеженные вершины за моей спиной и с трудом мог поверить в то, что мне удалось преодолеть все опасности спуска к реке и переправы через эту реку.

Вот уже несколько дней, как я не видел людей и разговаривал только сам с собой. И мне всё труднее было сохранять бодрость духа и уверенность в своих силах...

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Осторожно пробираясь в горном проходе через облако густого тумана, я заметил на снегу следы коз, а за ними (как мне хотелось думать) – собачьи следы. Тогда я начал думать о том, какой приём я встречу у местных жителей (если я встречу местных жителей...)

Моё физическое самочувствие ухудшилось. Какое-то время я, видимо, был в обмороке, и очнулся от холода, лёжа на большом плоском камне. Оглянувшись по сторонам, я увидел в густом тумане неясные темнеющие силуэты и осознал, что это могли быть люди. Однако мне почему-то пришла в голову неожиданная и странная мысль о том, что это были не люди, а статуи. Я насчитал около пятидесяти этих тёмных фигур, и ни одна из них не шевельнулась в то время, пока я их пересчитывал. Это меня обрадовало. Я пересчитал их ещё раз, и они по-прежнему оставались без движения. Я начал осторожно продвигаться вперёд и скоро убедился в том, что мои предположения были правильными. Я увидел грубо обтёсанных и покрытых мхом огромных (в 6-7 раз выше среднего человеческого роста) каменных идолов с устрашающими лицами. Все они стояли вертикально, но две статуи валялись на земле. Похоже, каждая статуя была построена из 6-7 огромных камней, но каким образом эти камни удалось поднять на такую высоту, оставалось для меня загадкой. Позы и лица этих истуканов были ужасны. Один – с перекошенным, как будто от страшной боли, лицом; другой – тощий и ужасный на вид, наверное, символизировал голод; третий – (с лицом жестокого идиота) валялся на земле... Подойдя к ним сзади, я увидел, что головы у них были пустые внутри...

Я чувствовал себя больным, меня бил озноб. Эмоционально, я тоже не был готов к встрече с этими каменными чертями посреди дикой природы. В этот момент мне больше всего на свете захотелось вдруг оказаться среди людей и овец на нашей уютной ферме, но я понимал, что это невозможно и чувствовал, что живым я отсюда не выберусь...

Порыв ветра донёс до меня стон, исходивший от одного из идолов. От страха меня прошиб холодный пот. Ветер усилился – и стоны, исходившие уже от нескольких идолов, тоже усилились. Я, конечно, сразу догадался, в чём было дело (ветер в пустых головах истуканов звучал, как воздух в органных трубах), но звуки эти были такими необычными, что это рациональное объяснение почему-то служило слабым утешением. Даже самый смелый человек не смог бы равнодушно слушать этот "концерт", устроенный каменными истуканами по воле создавших их бесчеловечных существ, которых вдохновил на это дело не иначе как сам Сатана. Несмотря на туман, я быстро побежал вперёд и бежал до тех пор, пока эти зловещие фигуры не исчезли из виду. Но производимые ими ужасные звуки по-прежнему преследовали меня, и мне казалось, что они гонятся за мной и вот-вот схватят меня за руку.

Много времени спустя, уже после моего возвращения в Англию, я услышал, как играет на органе один из моих приятелей, и эти звуки вызвали во мне те же самые страшные чувства и переживания...

Я очутился на узкой тропинке, бегущей вдоль ручейка. Я был очень рад, что мне достался такой удобный путь для моего бегства. Отдышавшись, я сначала подумал, что я оказался в необитаемой стране, а потом решил, что так оно было бы и лучше. Окажись они там, кто знает, что сделали бы со мной обитатели этой страны, создавшие такие

ужасные статуи? Скорее всего, они поджарили бы меня на жертвенном камне, принеся меня в жертву каким-то духам, охраняющим этот горный проход.

Я поспешил вниз. На моём пути мне встретилось ещё несколько речушек. Потом я увидел мост: несколько брёвен, перекинутых через речку. Это открытие немного успокоило меня: дикари не строят мостов. А потом мне довелось испытать нечто такое неопишное, неожиданное и замечательное, что, если бы у меня была такая возможность, я хотел бы вновь испытать нечто подобное. Таких моментов было в моей жизни три-четыре, не больше. Даже одни только воспоминания эти доставляют мне огромное удовольствие... Как только я спустился ниже облаков, я окунулся в сверкающий солнечный свет. Я повернулся в направлении заходящего солнца, и этот солнечный свет принял меня в свои объятия. Передо мной открылась восхитительная картина заходящего солнца: по голубому, пурпурному и фиолетовому небу разлито было сверкающее золото и серебро, и на душе у меня стало так светло и радостно, как очень редко бывало и до и после этого дня.

Тут и там разбросаны были маленькие уютные городки с высокими шпилями и куполами общественных зданий, утопающих в лучах заходящего солнца. Небольшие деревеньки и уединённые хижины, обширные сосновые леса, сверкающая на солнце спокойная река, которая грациозно извивалась в долине, тёплые, ласковые лучи солнца – всё это вселяло в мою душу такое тихое умиротворение, что я невольно опустился на землю – и тут же уснул глубоким сном.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Я проснулся на следующее утро от отдалённого колокольного звона. Несколько коз щипали траву поблизости от меня и с любопытством поглядывали в мою сторону. Я пошевелился, чтобы получше их рассмотреть. Но они не испугались и не убежали прочь, а спокойно продолжали меня разглядывать. Так мы и смотрели друг на друга, пока я не услышал весёлый смех и не увидел двух прекрасных девушек лет 17-18. Они весело щебетали о чём-то о своём. Заметив меня, они остановились. А я сидел не двигаясь, любуясь их восхитительной красотой. С минуту они озадаченно смотрели то на меня, то друг на друга, а потом разом вскрикнули и умчались прочь. Я понял, что очень скоро мне придётся познакомиться с обитателями этой местности. Что принесёт мне это знакомство, оставалось неясным. Но я решил покорно отдаться на волю судьбы и ждать, нежели бежать и быть пойманным по подозрению в дурных намерениях. Ждать пришлось недолго. Примерно через час я услышал голоса. А вскоре и увидел тех самых двух девушек в сопровождении шести или семи мужчин, вооружённых луками, стрелами и копьями. Я не двигался. Они подошли ближе и остановились, так что у нас была возможность внимательно рассмотреть друг друга.

Обе девушки были смуглыми, но кожа у них была не темнее, чем у обитателей Южной Италии или Испании. Сопровождавшие их молодые мужчины по одежде напоминали арабов или алжирцев. Их лица выражали вежливое спокойствие, хотя я не сомневаюсь, что они убили бы меня на месте, если бы они заподозрили меня в том, что я готов оказать сопротивление. Мне редко кто-нибудь нравится с первого взгляда, но эти люди внушали мне симпатию, и я спокойно изучал их лица. Потом я поднялся и заговорил

с одним из них. Говорил я по-английски, и они меня, наверное, не понимали. Я сказал им, что понятия не имею о стране, в которой я оказался, что оказался я в этой стране случайно и что от меня трудно ожидать какого-либо зла, поскольку я полностью нахожусь в их власти. Они, конечно, ничего не поняли, но смотрели на меня с одобрением. Затем один из них указал рукой в ту сторону, где стояли их истуканы и сделал страшное лицо, очевидно, имитируя одного из тех идолов. Я рассмеялся, и все они тоже засмеялись.

Они отвели меня в ближайшую деревушку. Жители деревни смотрели на меня с любопытством, но без враждебности. В доме одного из моих провожатых меня угостили козлятиной, молоком и овсяными лепёшками. Все страшно удивились, когда после ужина я закурил. Но больше всего их поразило с какой лёгкостью я добывал огонь, зажигая спички. Правда, была в этом удивлении и доля какого-то неодобрения, как мне показалось. Вскоре женщины удалились, и я остался в компании мужчин, которые пытались со мной объяснить жестами. Я, тоже с помощью жестов, дал им понять, что я очень устал и хочу спать, и они уложили меня на скамью, застеленную сухой травой и папоротником... Проснувшись на следующий день, я увидел двух мужчин, которые, очевидно, были приставлены ко мне для охраны, и пожилую женщину, которая была занята приготовлением еды. Охранники доброжелательно поприветствовали меня, сказав на своём языке что-то, что я воспринял как "Доброе утро". Затем они меня внимательно осмотрели и, видимо, остались довольны тем, что у меня были сильные руки и ноги. На завтрак мне дали молока со свежим горячим хлебом и мяса, которое по вкусу напоминало оленину. Их дома выглядели вполне по-европейски. Ничего похожего на Китай или Японию. Птицы и животные тоже были похожи на тех, что я видел в Англии. Люди кругом были очень красивые, особенно – женщины, которые напоминали мне смуглых

гречанок или итальянок. Земля была возделана, я видел и ореховые деревья, и яблоневые сады. Кругом было множество коз, встречались и овцы.

Пройдя через две или три деревни, мы оказались в каком-то городе. Мои провожатые пытались мне что-то объяснить жестами, но я из их объяснений ничего не понял, кроме того, что мне не следовало здесь ничего опасаться. В городе меня поместили в какую-то каморку, где, кроме меня, было ещё два человека. Один из них беспрестанно кашлял, другой – тоже выглядел не вполне здоровым. Вскоре меня вызвали к местному городскому начальнику – дородному седовласому бородатому мужчине с умным, пронизательным лицом. Минут пять он меня внимательно рассматривал, а потом задал короткий вопрос, который, по-видимому, означал "Кто ты?" Я назвал своё имя. Потом меня отвели в комнату, где меня раздели и устроили мне полный медосмотр. Все мои вещи тоже были тщательно осмотрены. Особенно их озадачила курительная трубка: они не могли понять назначение этого предмета, и мне пришлось им показать, как ей пользоваться. Запах курительного табака им, кажется, понравился. Но когда они обнаружили у меня карманные часы, они очень разволновались. Меня попросили открыть часы и показать, как работает часовой механизм. Этот предмет явно произвёл на них неблагоприятное впечатление. На лице градоначальника тоже отразились ужас и отвращение. Я не мог понять причину их неудовольствия, но почувствовал какую-то тревогу за своё будущее. Да и лицо градоначальника выражало теперь не столько страх, сколько ненависть. Он безуспешно попытался мне что-то объяснить, а потом меня отвели в большую комнату, которая, видимо, была городским музеем. Там были выставлены на обозрение скелеты и чучела животных и птиц, но самую большую часть коллекции составляли всевозможные сломанные машины и механизмы с объяснительными

табличками на неизвестном мне языке. Среди экспонатов были ржавые детали паровой машины, сломанные цилиндры и поршни и даже обломки старого железнодорожного вагона. Мы миновали несколько витрин и дошли до тех, где были выставлены два или три экземпляра старинных часов. Градоначальник открыл застеклённый шкаф, достал оттуда эти часы и начал сличать их с моими. После этого он произнёс гневную речь, время от времени указывая, то на мои часы, то на часы из музейной коллекции. Я попытался жестами объяснить ему, что он может приобщить мои часы к прочим музейным экспонатам. Это его несколько успокоило. Я хотел убедить его в том, что у меня и в мыслях не было привозить в его страну какую бы то ни было контрабанду. Он, конечно, ничего не понял из моих объяснений, но часы у меня конфисковали, а потом отвели меня обратно в ту комнату, где я проходил вынужденный медосмотр. Градоначальник опять произнёс короткую речь, после которой меня отвели в городскую тюрьму и заперли в отдельной комнате, вполне уютной, впрочем. У меня были кровать, стол, стулья, умывальник, камин и даже балкон с выходом в сад, обнесённый высокой каменной стеной. Охранник знаками объяснил мне, что я могу в любое время выходить в сад и гулять там. Мне вернули мои одеяла и некоторые другие вещи, но, всё равно, это была тюрьма, в которой мне предстояло провести сколько-то времени. Сколько – я не знал.

В ТЮРЬМЕ

Итак, я оказался в заключении, в чужой стране, без денег, без друзей, без знания местного языка и местных обычаев. Но хуже всего были неизвестность впереди и неопределённость моего положения. Всё это ввергло меня в отчаяние. Однако мне по-прежнему интересны были эти люди, и мне очень хотелось узнать, что же вызвало неудовольствие градоначальника, когда он рассматривал мои часы в музейной комнате. Я провёл в этой стране очень мало времени, но я всё же успел заметить, как мало машин и механизмов использовали эти люди. В этом отношении они жили так же, как жили европейцы в 12-ом или в 13-ом веке. И в то же время они, видимо, были осведомлены о европейских технических достижениях. Было ясно, что нелюбовь к машинам не была вызвана незнанием. Музейные экспонаты ясно свидетельствовали о том, что в прошлом эти люди имели дело с машинами и знали как эти машины устроены... Сколько я об этом ни думал – я не мог найти этому объяснение. Может быть, они исчерпали все свои запасы угля и железной руды? – Это было единственное более или менее правдоподобное объяснение, которое приходило мне в голову...

Дверь открылась и очень красивая девушка – мечта любого скульптора – внесла в комнату поднос с горячей едой. За ужином я тайком наблюдал за ней и любовался её красотой. Затем она куда-то ушла и вернулась через некоторое время в сопровождении человека со связкой ключей на поясе. Как я догадался, это был тюремщик (позднее я узнал, что он был отцом этой красавицы). Они смеялись и весело разговаривали друг с другом, и настроение у меня значительно улучшилось. Я поблагодарил за внимание ко мне, хотя и знал, что они меня не понимают...

Позднее в мою комнату зашёл очень важный господин, который разложил на столе книги, тетради, перья и чернильницы. Он, как мог, объяснил мне, что будет учить меня местному языку и что наше первое занятие состоится немедленно. Меня это очень обрадовало: с чего бы это они стали учить меня их языку, если бы они планировали меня казнить или продержать в тюрьме долгое время? После первого урока я уже знал названия всех предметов в комнате, научился считать до десяти и познакомился с личными местоимениями: я, ты, он, она.. К сожалению, все их слова были совершенно не похожи на английские, и мне стоило труда их запомнить. Этот учитель приходил ко мне каждый день, но у меня была и другая учительница: очаровательная дочь тюремщика... Через месяц я уже мог понять, о чём идёт речь, когда она разговаривала в моём присутствии со своим отцом. Мой официальный учитель был доволен моими успехами, и я как-то раз спросил его, что со мной будет дальше. Он сказал, что все ждут ответа на запрос, посланный в Правительство, и пока этот ответ не будет получен, меня будут держать в тюрьме. Он сказал также, что сообщил администрации о моих успехах в изучении местного языка и что в моём случае есть только один факт, который может мне повредить: то, что у меня были найдены часы. Однако он добавил, что мои светлые волосы всем очень нравятся и что это обстоятельство может сослужить мне хорошую службу. Учитель хвалил меня за успехи в изучении языка, которые я в ответ объяснял его терпением и хорошей методикой преподавания, поэтому мы быстро подружились.

В свободное время (а свободного времени у меня было много) я часто гулял по саду. Местные жители надоедали тюремщику своими просьбами о том, чтобы он разрешил им на меня поглазеть. И в конце концов он (за определённую плату) начал давать им такие разрешения. Посетители относились ко мне хорошо, особенно –

женщины, что возбуждало некоторую ревность у прекрасной дочери тюремщика, которая приносила утешение в мою жизнь и с которой я быстро подружился. Только однажды она отругала меня за то, что я пожаловался ей на простуду или недомогание. Оказалось, что любая болезнь считается в этой стране преступлением, достойным сурового наказания... Кушанья мне подавали простые, но разнообразные, а красное вино было отличного качества. В саду я обнаружил какое-то растение, которое, будучи высушенным и перетёртым, заменяло мне табак. В общем, моя тюремная жизнь мне иногда даже нравилась.

В том же саду я нашёл какое-то растение из полого стебля которого я сделал себе дудочку. На этой дудочке я наигрывал популярные мелодии. Местным жителям, которые, видимо, не имели понятия о европейской музыке, это очень нравилось. Иногда они даже просили меня спеть. По воскресеньям я пел церковные гимны. У местных жителей не было представления о христианской религии, но они терпимо относились к моим воскресным песнопениям.

Через три месяца мне сообщили, что пришла бумага из Правительства, в которой сообщалось, что, принимая во внимание моё безупречное поведение в заключении, физическое здоровье, голубые глаза, светлые волосы и белую кожу, Король и Королева хотели бы со мной встретиться; что по прибытии в столицу меня должны отпустить на свободу и назначить мне вполне приличную пенсию. Мой учитель также сообщил мне, что некий коммерсант предложил мне пожить в его доме. Этот "прекрасный человек" был недавно вылечен от серьёзной "болезни" (судя по описанию – от kleptomании) и только недавно пришёл в себя от последствий крупной денежной растраты, случившейся в чрезвычайно трудных для него обстоятельствах. Его врачеватели сообщали однако, что к

настоящему времени он вполне выздоровел. Мой учитель выразил надежду, что мы с этим коммерсантом друг другу понравимся...

Я спросил учёных людей о причинах той деградации науки и изобретательства, последствия которой я видел в Музее. Они сказали мне, что 400 лет тому назад технические знания в их стране распространялись очень быстрыми темпами – до тех пор, пока один из самых знаменитых профессоров гипотетических наук не написал книгу (с выдержками из неё я вас позднее познакомлю), в которой он толковал о том, что машины в конце концов вытеснят из жизни людей. Его последователи настолько прониклись этой идеей, что решили уничтожить в этой стране все машины, которые были изобретены позднее, чем за 270 лет до того времени; любые новые изобретения и усовершенствования были строжайше запрещены законом, а нарушители этого закона считались такими же злостными преступниками, как, например, больные тифом... Я с беспокойством вспомнил о своих часах, но мне сказали, чтобы я не волновался: преступления того рода не совершались так давно, что я вправе был рассчитывать на снисхождение, особенно – если принять во внимание моё отменное физическое здоровье и светлые волосы. Кроме того, мои часы оказались ценным музейным экспонатом...

В СТОЛИЦЕ

Наше путешествие длилось около месяца и наконец закончилось. С моего лица сняли глазную повязку, потому что предполагалось, что я уже никогда не смогу найти дорогу домой и убежать из этой страны... Мы въехали в чистый и опрятный город по широкой дороге, обсаженной по обеим сторонам тополями. Дорога эта несколько возвышалась над окрестными полями (когда-то очень давно это была насыпь для железной дороги). Поля по обе стороны дороги были безупречно ухожены. Погода здесь была более прохладной, из чего я заключил, что мы сместились на несколько градусов к югу от экватора, но, судя по растительности, мы были в тёплых краях. Диких животных я не видел, но всевозможных птиц было множество. На них охотились с помощью лука и стрел: порох был здесь либо неизвестен, либо запрещён к употреблению.

Мы приближались к столице, и я уже видел вдалеке крепостные стены и роскошные дворцы. Я беспокоился о том, какой приём мне окажут в этом городе, и не знал, как себя вести. В конце концов я решил вести себя так, как будто я в Англии, ну а если я что-то скажу или сделаю не так, то надеюсь, что меня поправят. Слухи о нашем приближении уже достигли столицы, на улицах меня встречали толпы любопытных, и я раскланивался на обе стороны.

На центральной площади нас встретили мэр и члены городского магистрата, а среди них был солидного вида господин, которому мэр меня представил. Это был человек, который пригласил меня остановиться в его доме. Я низко поклонился и выразил ему свою благодарность за гостеприимство. Он указал мне на свой экипаж, приглашая меня сесть в эту карету. Я низко поклонился мэру и членам магистрата, и мы направились к

дому моего благодетеля, м-ра N. Его дом, утопающий в зелени садов, располагался неподалёку от живописных руин железнодорожного вокзала. Терраса, украшенная красивыми вазами и изысканными скульптурами, была окружена кипарисами и всевозможными фруктовыми деревьями. Перед домом был устроен фонтан. Комнаты были просторные, с высокими потолками. Мебели, впрочем, было не много. В одной из комнат стоял рояль (или похожий на рояль инструмент). Пройдя через несколько комнат, мы оказались в будуаре, где нас встретили жена и дочери хозяина. Его всё ещё милостивой жене было на вид около сорока лет, а его дочери сияли молодой свежестью и красотой. Дамы встретили меня очень приветливо, и мои опасения и неловкость улетучились... Во время ужина я заметил, что мой хозяин чувствует себя как-то неловко и не ест ничего, кроме молока и хлеба. Во главе стола сидел высокий бородатый мужчина, которому все присутствующие оказывали знаки уважения. Это был их семейный врачеватель. После ужина мой хозяин и этот мужчина удалились в соседнюю комнату, из которой вскоре послышались плач и стоны, принадлежащие, по-видимому, моему хозяину. "Бедный папа! – сказала одна из дочерей. – Он так страдает!" "Да, – ответила её мать. – Но я думаю, что сейчас он уже вне опасности". Затем они рассказали мне во всех подробностях об обстоятельствах дела и о лечении, предписанном врачевателем. Я постарался всё это хорошо запомнить, чтобы в дальнейшем что-нибудь не перепутать.

БОЛЕЗНИ И ВРАЧЕВАТЕЛИ

Никто из уважающих себя людей не ведёт себя как с равными с теми, кому не повезло родиться богатым, здоровым и красивым. Ничего странного в этом нет. Благополучные люди, как правило, не любят бедных, больных и несчастных. В этом отношении люди мало отличаются от животных...

Я по-прежнему жил в доме м-ра N. Через несколько дней м-р N. пришёл в себя после наказания кнутом и с ликованием думал о том, что следующий сеанс будет последним. Я был уверен, что в этом, последнем, сеансе не было необходимости, но м-р N. убедил меня в том, что, на всякий случай, число этих сеансов надо довести до дюжины. Он по-прежнему продолжал заниматься коммерцией и, несмотря на значительный штраф, его нынешнее материальное положение было много лучше, чем прежде. В течение дня он не мог уделять мне много времени, потому что он относился к числу тех бесценных людей, которым платят не за каждую неделю или месяц, а за каждую минуту их работы. Но его жена и дочери не оставляли меня своим вниманием и познакомили меня с их друзьями, которые толпами валили в их дом, чтобы на меня поглазеть.

Меня всегда удивляли люди, которые, несмотря на свою воспитанность и прочие замечательные качества, оставались в плену ошибочных взглядов, внушённых им с детства и передаваемых из поколения в поколение, без всякой надежды на прозрение...

Я никак не мог убедить их в том, что с момента их рождения их влияние на состояние человеческого тела ничтожно, а вот состояние души может быть изменено и определённым образом направлено. Я никак не мог убедить их в том, что их телесное

здоровье в большей степени зависит от их родителей и физических обстоятельств их жизни...

В тех краях человек, если он заболел чем-нибудь в возрасте до 70 лет, должен предстать перед судом. За серьёзную болезнь полагается очень суровое наказание, но в менее значительных случаях (например, при частичной потере слуха или зрения в возрасте 65 лет и старше) можно отделаться только штрафом. Болезни, вызванные неводержанностью в еде или злоупотреблением вином, не считаются очень серьёзными, но, например, катаракта и воспаление лёгких заслуживают, по их мнению, самого жестокого наказания.

С другой стороны, грабители, поджигатели домов и фальшивомонетчики, например, считаются не преступниками, а действительно больными людьми; их помещают в больницы, где они окружены заботой врачей и медсестёр. За их лечением наблюдают особые чиновники, которые называются "врачеватели" – если так можно перевести их термин обозначающий буквально "выпрямителей", то есть "людей, которые выпрямляют нечто изогнутое". Обманщики не подлежат уголовной ответственности, их наказание заключается в том, что их друзья и знакомые отворачиваются от них и не хотят более иметь с ними дело.

Хотя тамошние жители идут на всевозможные ухищрения, чтобы скрыть свои физические болезни и недостатки, психическое заболевание – не считается там преступлением.

Обычное наше приветствие – "Как дела?" – у них звучит несколько иначе: "Надеюсь, Вы себя хорошо чувствуете? Я полагаю, Вы уже успокоились? Когда я видел

Вас в прошлый раз, Вы были чем-то очень огорчены". Ну а если человек действительно плохо выглядит, ему так прямо об этом и говорят, выражая при этом вежливое сочувствие.

В один из дней м-р N. не появился к обеду, прислав письменное извинение, а женщины объяснили мне, что утром они были на рынке, где он не мог удержаться и украл с прилавка пару носков. Меня уже предупредили к тому времени, что мне не следует ничему удивляться, и что болезнь эта – заразная. И вправду, я вскоре почувствовал непреодолимое желание украсть одежную щётку и всерьёз испугался, что в конце концов окажусь в руках врачевателя.

Хотя психические заболевания и не считаются там преступлением, психически здоровые люди пользуются там почётом, и все стараются прослыть людьми со здоровой психикой. Девушка никогда не выйдет замуж за человека из нездоровой семьи.

Даже мысль о преступлении является там преступлением, и подумав о том, чтобы совершить что-то недозволенное, человек рискует тут же попасть на излечение к врачевателю.

Методы лечения, применяемые врачевателями, бывают очень болезненными, но местные жители всегда выполняют их рекомендации, будь то специальная диета (например – две недели на хлебе и воде) или еженедельное наказание кнутом. У себя в Англии мы ведь тоже обычно выполняем предписания врачей. Нам и в голову не придёт скрыть что-то от врача, даже если мы знаем, что за этим последует лечение, которое может оказаться болезненным. Мы верим, что врач причиняет нам боль для нашего же блага, и что он лучше нас знает, что хорошо, а что плохо для нашего физического здоровья. Это потому, что в Англии физическое недомогание не является преступлением.

Мы, наоборот, стараемся скрыть любые признаки психического заболевания, чтобы нас, для нашего же блага, не отстегали кнутом.

Что касается м-ра N., то он заработал огромные деньги, осуществляя разрешённые законом финансовые операции на Бирже (деньги, впрочем, были недостаточно большие для того, чтобы вызвать всеобщее осуждение). Однако в дальнейшем он поймал себя на желании заработать ещё больше денег, но уже обманным путём. Поначалу он, к сожалению, не обращал внимания на это лёгкое недомогание, но болезнь прогрессировала. Поняв это, он попытался сократить объём нечестных финансовых операций до минимума, но было уже поздно: болезнь зашла слишком далеко. Когда он это осознал, он тут же поехал домой и признался во всём своей жене и дочерям. Было решено немедленно послать за одним из самых знаменитых врачей. Когда тот прибыл, м-р N. рассказал ему всё и выразил опасение в том, что его заболевание уже неизлечимо. Врачеватель расспросил его о родителях, на что получил ответ, что с родителями было всё в порядке, но вот дед, на которого он похож лицом, был законченный злодей и кончил свои дни в больнице, а брат его отца много лет вёл предосудительную жизнь и даже находился на лечении то ли у гомеопата, то ли у аллопата. Врачеватель покачал головой и выдал м-ру N. предписание: выплатить государству штраф; в течение шести месяцев не есть ничего, кроме молока и хлеба; и в течение года ежемесячно подвергаться суровому наказанию кнутом. М-р N., конечно, сразу же согласился со всеми этими предписаниями. Впрочем, если бы ему вздумалось не выполнить указания врачевателя, то м-ра N. отправили бы в больницу, и там ему пришлось бы ещё хуже. Меня несколько удивило, что штраф должен был быть уплачен в пользу государства, а не в пользу той женщины, деньги которой м-р N. бессовестно растратил, но мне объяснили, что ей повезло в скором

времени умереть, а иначе её судили бы и приговорили бы к суровому наказанию за доверие к человеку, которому доверять было, как выяснилось, нельзя.

Мне довелось присутствовать на собеседовании м-ра N. с врачевателем через одиннадцать месяцев после начала лечения. Я заметил, что врачеватель со всей возможной деликатностью избегает вопросов о состоянии физического здоровья своего подопечного, хотя, судя по некоторым признакам, оно ухудшилось. В тот же день его навещали ещё много разных людей, которые хотели знать, как он переносит ежемесячное наказание кнутом. Он с удовольствием рассказывал им, что лечение оказалось эффективным. Всё время, пока я жил с м-ром N., он по-прежнему занимался бизнесом и увеличил своё состояние, но никто не смог бы, даже намёком, обвинить его в незаконных финансовых операциях.

Едва ли есть необходимость говорить, что профессия врачевателя требует долгой учёбы и упорного труда. Для того чтобы врачеватель детально ознакомился со всевозможными пороками, он должен практиковаться в каждом из них по очереди. Это продолжается до тех пор, пока студент не осознает, что он уже достаточно знаком со всеми психическими и нравственными заболеваниями и не почувствует себя способным излечивать их, основываясь на собственном опыте. Те, кто хочет быть специалистом (в отличие от врачевателей общего профиля), особенно долго и усердно практикуются в том пороке, лечение которого они избрали своей специальностью. Некоторым студентам приходится посвятить этому многие годы, а кое-кто даже умирает от усиленного изучения таких пороков, как, например, обжорство и пьянство.

СУД

Я заметил, что в моём повествовании нередко нарушается хронологический порядок изложения, но я думаю, что следует исчерпать один предмет, прежде чем переходить к другому. Кроме того, если бы я детально описывал события каждого дня в хронологическом порядке, то мой рассказ никогда бы не закончился.

В Нигдее, как и во многих других странах, есть суды, которые специализируются на особом роде делах. Например, несчастье в личной жизни не считается серьёзным преступлением, хотя может быть и уголовно наказуемым. Однажды, прогуливаясь по столице, я заметил вывеску специального Суда по вопросам личного горя. Я зашёл туда и имел возможность присутствовать при осуждении мужчины, который предался горю оттого, что его любимая жена недавно умерла и оставила на его попечении троих детей, старшему из которых было только три года. Адвокат просил оправдать подзащитного на том основании, что, в действительности, тот никогда не любил свою жену, но обвинитель представил свидетелей, которые показали, что между супругами были очень тёплые отношения. Кроме того, они подтвердили, что обвиняемый плакал на её похоронах. Присяжные признали его виновным, но просили смягчить для него наказание на том основании, что ему крупно повезло: незадолго до смерти жены он застраховал её жизнь на крупную сумму, которую и получил от страховой компании, сделав всего два месячных взноса.

В заключительном слове судья сказал, что везение является гарантией нравственности и основанием для уважения. Конечно, одному человеку на рынке удачи иногда везёт больше, чем другому, и степень везения, заслуживающего большего

уважения, может быть установлена лишь приблизительно, на основе постоянно меняющихся рыночных условий. Тем не менее, никому не дозволяется быть невезучим. Ну, разве что, в очень малой степени. "Вы пережили большую потерю, – сказал судья, обращаясь к подсудимому. – Природа сурово наказывает человека за такое преступление, и человеческие законы должны быть в этом отношении согласны с природой. Но учитывая просьбу присяжных, я выношу Вам смягчённый приговор – всего лишь три месяца исправительных работ и штраф в размере 25% от денег, полученных Вами от страховой компании, – вместо шести месяцев тюрьмы". Обвиняемый поблагодарил судью за снисхождение, иначе (в случае, если бы его отправили в тюрьму) некому было бы позаботиться о его трёх малолетних детях. После этого его освободили из-под стражи.

Следующее дело, которое рассматривалось в суде, касалось молодого человека, которого в детстве обобрал опекун. Отец этого юноши умер много лет назад, и это было сочтено достаточным основанием для рассмотрения его дела в Суде по вопросам личного горя. У этого юноши не было адвоката, и в свою защиту он ссылался на свою молодость, неопытность и глубокое уважение к своему опекуну, который был его родственником. В ответ судья строго заметил, что никому не дозволяется быть молодым, неопытным и питать искренне уважение к своему опекуну. В соответствии с приговором, юноша должен был извиниться перед своим опекуном и получить девять ударов плёткой.

Конечно, всё это было ничто по сравнению с делом, по которому человека чуть не приговорили к смертной казни за то, что он заболел туберкулёзом. "Я здесь не для того, чтобы высказывать своё мнение по поводу наших суровых законов, – сказал при этом судья. – И иногда я сожалею о том, что не могу вынести подсудимому более мягкий

приговор. Но в Вашем случае я, несомненно, приговорил бы Вас к смертной казни, если бы она не была недавно отменена".

О ПРАВОСУДИИ

Поначалу я был удивлён таким правосудием. Но по зрелом размышлении пришёл к выводу, что нет ничего несправедливого в том, чтобы наказывать людей за их несчастья и вознаграждать их, когда им везёт. В жизни всё так и происходит. В этом смысле законы нигдейцев согласны с природой. Никакой альтернативы этому я не вижу. Бессмысленно говорить о том, что люди не отвечают за свои беды. Да и что это такое, ответственность? Быть ответственным – значит быть обязанным, когда потребуется, дать ответ в своих действиях, и все, кто отвечает за свои действия, должны признать, что общество (в лице его уполномоченных представителей) вправе требовать такого ответа. В чём заключается преступление барашка, за которым мы ухаживаем, которого мы кормим и оберегаем от опасности, чтобы потом его зарезать? Только в том, что он беззащитен перед человеческим обществом, а общество хочет есть. Этого вполне достаточно. Да и кто может ограничить общество в правах, кроме самого общества? И какое ему дело до мнения отдельного человека, если от этого выигрывает всё общество в целом? По той же причине общество вознаграждает сына миллионера, потому что богатство его отца приносит обществу несомненную пользу. Отказывая сыну миллионера в праве на богатство отца, мы тем самым отказываем в таком праве и себе (случись нам быть детьми миллионера). А иначе мы не позволили бы ему пользоваться этими деньгами и немедленно бы их отобрали.

Если собственность наживается воровством, то все мы в той или иной степени воры, поэтому очень важно привести всё это в законную форму, подобно тому как мы узакониваем месть или похоть...

Даже в Англии пассажир корабля, заболевший в дальних странах жёлтой лихорадкой, считается виновным в своём несчастье и обязан провести какое-то время в карантине, сколько бы ему это ни стоило. Если он умрёт, то тут уж ничего не поделаешь, но гуманно ли со стороны общества в целях самозащиты добавлять к его страданиям ещё и унижение? Впрочем, унижение другого человека нередко считается одним из лучших средств для самозащиты... Или взять, к примеру, сумасшествие. Мы говорим, что сумасшедший человек не может отвечать за свои поступки, но он отвечает, и мы держим его в заключении в психиатрической лечебнице, если нам не нравятся его ответы. Справедливо ли это? Получается, что мы больше доверяем преступнику, чем психически больному человеку, а ведь психические заболевания не такие заразные, как, например, склонность к преступлению...

Увидев змею, мы на всякий случай убиваем её, чтобы она не представляла для нас опасности. Преступление змеи, наказываемое смертью, заключается только в том, что она – змея, и может представлять для нас опасность. Поэтому, несмотря на жалость, мы убиваем её, если, конечно, это безопаснее, чем просто позволить ей скрыться... Так и в случае с человеком, больным чахоткой, о котором я уже упоминал, – никто из присутствующих не усомнился в том, что чахоточный больной заслуживает самого строгого наказания. Судья был человек умудрённый опытом, добрый и заботливый, но ему и в голову не могло прийти, что заболевание подсудимого – это чистая случайность и что на месте обвиняемого мог оказаться любой другой человек. Воспитание и юридическое образование мешало судье понять то, что кажется понятным даже ребёнку. У присяжных и зрителей тоже не было никаких сомнений в виновности подсудимого. Но самое удивительное – это то, что и сам подсудимый чувствовал себя виноватым. Он был

уверен, что его судят по справедливости, и не сомневался в том, что в интересах защиты общества он должен быть сурово наказан. Я думаю, что сознание своей вины, позволило ему легче смириться со своей участью. В конце концов, всякое правосудие относительно...

Ко всему сказанному я добавлю только, что за несколько лет до того, как я оказался в этой стране, за физические недомогания судили ещё строже. Преступников приговаривали к изнурительным (и, нередко, смертельным) каторжным работам, что, как считалось, приносило пользу не только им, но и государству, поскольку таким образом окупались расходы на содержание заключённых. Но рост благосостояния вызвал смягчение прежних строгостей, и сострадательный век не мог больше терпеть чрезмерных наказаний, даже для самых злостных преступников. Присяжные стали реже выносить обвинительные вердикты, а судьи шли на всевозможные ухищрения, потому что у них практически не было выбора, кроме как приговорить обвиняемого к смерти или отпустить на свободу. Кроме того, выяснилось что излишняя строгость оборачивается дополнительными расходами для государства: состояние здоровья заключённых, осуждённых даже за самые незначительные недомогания, в тюремных условиях неизменно ухудшалось, их приходилось снова судить – теперь уже за более серьёзные заболевания – и государственные расходы на их содержание возрастали...

Эти беды были всем хорошо известны, но поскольку, по сравнению с их собственными, чужие страдания занимают людей очень мало, долгое время ничего не менялось. Наконец, явился миру благонамеренный реформатор, который посвятил этому делу всю свою жизнь. Он разделил все заболевания на три класса: заболевания головы, тела и нижних конечностей. Все заболевания головы (как внутренние, так и внешние)

должны были лечить с помощью опиума, заболевания тела – касторовым маслом, а заболевания нижних конечностей – примочками из воды и серной кислоты. Кто-то может сказать, что эта классификация недостаточно чёткая и что средства для лечения болезней были выбраны не совсем удачно, но ведь решиться на любую реформу всегда бывает очень трудно, и всякое дело следует начинать с малого, оставляя общественному мнению достаточно возможностей для предложения дальнейших усовершенствований.

Большинство народа полностью одобряло эти нововведения и полагало, что лучшую систему для исправления преступников и придумать трудно. Как всегда, находились, конечно, и энергичные представители меньшинства, которые придерживались крайних взглядов и которые не успокоились до тех пор, пока эта система не получила дальнейшего развития. Некоторые из этих взглядов, вызывающих отвращение широких масс, сотрясали самые основы нравственности. Отдельные умники доходили до утверждений о том, что заболевания могут быть обусловлены причинами, которые не зависят от воли больного, а потому обвинять человека в том, что он болен чахоткой, – это всё равно что обвинять подгнивший плод в том, что он подгнил... Но непригодный в пищу сгнивший плод, обычно просто выбрасывают; так и чахоточного больного необходимо изолировать от общества для защиты здоровья его сограждан... Эти радикалы выступали против изнурительных исправительных работ и требовали для преступников только заключения и строгого наблюдения. Дабы преступники не стали бременем для общества, предлагалось разрешить им использовать свои ремесленные таланты и навыки на благо обществу и зарабатывать деньги. Случись, однако, что в преступниках окажутся люди благородного происхождения, которые не способны ни к какому ремеслу, то пусть они щиплют паклю или пишут для журналов критические статьи. Те, кто зарабатывает больше других, должны

иметь право на улучшенные условия содержания. Конечно, из их заработка будут производиться вычеты за жильё, питание, охрану и т. д., но в остальном их свобода должна быть ограничена только тюремными стенами; внутри тюрьмы они должны быть свободны в своих занятиях. Разумеется, что те, кто, по причине очень слабого здоровья, не в состоянии заработать себе приличное содержание, должны довольствоваться только хлебом и водой... Некоторые из радикалов шли ещё дальше и утверждали, что, за исключением убийц, осуждённые (хотя они и вызывают неприятные чувства) – это, в общем-то, такие же люди, как мы, и что другие люди (а то и общество в целом) бывают повинны в том, что они стали преступниками...

О СМЕРТИ

К смерти нигдейцы относятся с меньшим отвращением, чем к болезни. Смерть, может быть, и считается проступком, но по закону не наказывается, закон сохраняет в этом отношении молчание. Нигдейцы полагают, что большинство из тех, про кого говорят, что они умерли, на самом деле никогда и не рождались – в том смысле, что они не были рождены в том невидимом мире, который один только и заслуживает внимания. Что касается этого невидимого мира, то большинство людей умирают в нём ещё на пути в мир видимый, а некоторые – после того, как они побывали в видимом мире. Впрочем, нигдейцы полагают, что этот вопрос не имеет такого большого значения, какое мы ему обычно придаём. Сознание того, что все мы рано или поздно умрём, не слишком нас огорчает, потому что не обманывает наших ожиданий. Нас это не очень занимает, даже если мы знаем, что жить нам осталось не долго. Единственное, о чём мы беспокоимся, – в какой именно день это произойдёт. К счастью, никто этого в точности не знает, хотя есть люди, которые портят себе жизнь, пытаясь это выяснить. Даже человек, приговорённый к смерти в определённый день и помещённый в тюрьму, из которой невозможно сбежать, до самого конца надеется, что решение об отсрочке приговора будет принято раньше, чем придёт день казни. Он также может надеяться, например, на то, что в тюрьме случится пожар и он естественным образом задохнётся там от дыма, вместо того, чтобы задохнуться в петле. Или он может надеяться, что во время прогулки на тюремном дворе его убьёт молния. Или в день казни он может подавиться крошкой за завтраком. Или он может умереть от сердечного приступа. – То есть он умрёт от естественных причин ещё

до того, как придёт время казни. Нигдейцы поэтому уверены, что смерть вызывает не столько боль, сколько страх, и в этом отношении она ничем не отличается от жизни.

Мёртвые тела они сжигают, а пепел развеивают там, где завещал покойный.

Обычно – в саду, где покойный любил гулять в молодости. Последняя воля покойного священна и не может быть нарушена. Нигдейцы верят, что те, чей прах развеян в определённом месте, становятся покровителями и защитниками этого места, и им приятно думать, что когда-нибудь и им будет уготована эта почётная роль, и их имя будет связано с тем местом, в котором они были счастливы. Нигдейцы не устанавливают могильных памятников и не пишут эпитафий. Но они разделяют со всем человечеством стремление сохранить своё имя и после смерти, а потому те из них, кто может это себе позволить, заказывают себе статуи с надписями, подобными нашим эпитафиям, в которых часто бывает не больше правды, чем в наших эпитафиях. В этих надписях они представляют себя безвинными жертвами злобы, зависти, жадности и т. п. и уверяют всех в своей душевной и физической красоте (вне зависимости от того, красивы ли они на самом деле или нет). Если человек некрасив, он не позирует скульптору, хотя на статуе написано его имя. Он обычно просит позировать художнику одного самых своих симпатичных приятелей, и такая просьба считается одним из величайших комплиментов. Женщины, впрочем, сами позируют скульптору (потому что им очень трудно признать, что какая-то из их подруг может быть красивее, чем они сами), но они просят художника скрывать недостатки их внешности. Почти в каждой семье этих скульптур уже столько, что скоро их некуда будет девать, и я думаю, что этот обычай в недалёком времени выйдет из употребления. Что касается памятников знаменитостям, то их количество в столице уже ограничено числом не более трёх каждому. Пятьсот лет тому назад от этих памятников

просто проходу не было. Обычно, какой-нибудь страстный почитатель за свой счёт устанавливал памятники почитаемым им людям. Иногда – с той целью, чтобы, возвышая других, возвыситься самому. Иногда – с той целью, чтобы дать заработать молодому скульптору, который изъявил желание жениться на дочери почитателя.

Для меня остаётся загадкой, почему почти все искусства достигают совершенства лишь на короткое время. В своём развитии они быстро достигают той высоты, с которой начинается их постепенный упадок. Было бы лучше, если бы этот упадок был стремительным, потому что произведения искусства, как и живые существа, производят лучшее впечатление на зрителя, когда они уже мертвы, нежели в то время, когда они умирают. Нет никакой возможности возродить искусство прошедших времён. Оно должно родиться заново и последовательно пройти все стадии от младенчества до зрелости, трепеща и борясь со страхом быть забытым.

Пятьсот лет тому назад нигдейцы этого не понимали, да и сейчас, наверное, не до конца понимают. К искусству ваяния они относились так же, как мы относимся к искусству изготовления набивных чучел животных и птиц, и были вполне удовлетворены произведениями, напоминающими восковые фигуры в музее мадам Тюссо, при условии, что эти фигуры должным образом раскрашены и наряжены в настоящую одежду. При условии, что заказчики платят за свои фигуры, такой музей вполне может обеспечивать себя всем необходимым. В прежние времена – мрачные, бесцветные фигуры героев прошлого, установленные на улицах и площадях, разрушались от непогоды, не реставрировались, но и не уничтожались, потому что не существовало должного порядка уничтожения обветшавших произведений искусства, которые скорее портили впечатление от города, нежели украшали его. В конце концов дело дошло до того, что возмущённые

жители городов уничтожили все такие памятники (и хорошие, и плохие) за исключением тех обломков, которые скульпторам удалось спасти, поместив их в музей. За последующие двести лет во всём королевстве не было изготовлено ни одной статуи, однако потребность в изготовлении набивных чучел была столь велика, что их начали делать вновь. Не зная, как их делать, не имея специальных школ (которые всегда учат не тому, чему нужно), скульпторы этого периода работали по своему разумению и через три-четыре поколения достигли уровня, который был никак не ниже образцов далёкого прошлого. Но затем снова начались старые беды. Скульпторы получали большие деньги, возникли школы, в которых учили, как возвышенное искусство лучше всего продать за деньги, искусство стало предметом торговли... Вскоре нашёлся государственный деятель, который установил новый закон, в соответствии с которым создание новых памятников было запрещено на пятьдесят лет. Через полвека должна была быть создана специальная комиссия из 24 человек, случайно набранных на улице; эта комиссия должна была определить, каким памятникам будет разрешено просуществовать ещё 50 лет, а какие должны быть уничтожены. Эта процедура должна была повторяться каждые 50 лет. Ещё лучше было бы разрешить устанавливать памятники только в честь людей, умерших не менее чем за сто лет до этого, а уже потом осуществлять ревизию этих памятников каждые 50 лет, но, как бы то ни было, новая система казалась всем вполне удовлетворительной. Многие памятники выдающимся людям, которые могли быть установлены по старой системе, не были даже заказаны, потому что предполагалось, что через 50 лет они всё равно будут уничтожены. Скульпторы не были уверены, что их творения просуществуют дольше, чем 50 лет, поэтому даже те памятники, которые были заказаны, выполнялись с вопиющей небрежностью, очевидной даже для неспециалиста...

Говоря об обычаях нигдейцев, связанных со смертью, невозможно не упомянуть о следующем. Когда кто-нибудь умирает, друзья покойного не надевают траурную одежду, не выражают соболезнований и не присутствуют на церемонии развеивания праха. Вместо всего этого они посылают близким родственникам покойного коробочки с искусственными слезами, числом от двух до пятнадцати или даже шестнадцати (в зависимости от дружеской или родственной близости к покойному). Точное число этих слёз регулируется правилами вежливости. Хотя это может показаться странным, нигдейцы очень ценят эти знаки внимания и обижаются, когда они их не получают. Изначально, искусственные слёзы просто наклеивались на щёки родственников, которые были в трауре.

Беременность и роды считаются у нигдейцев чем-то таким, о чём лучше не упоминать. Страдания матери тщательно скрываются, количество гостей и визитов сокращается до возможного минимума, и на несколько месяцев перед родами семья уединяется. Самые строгие моралисты придерживаются того взгляда, что беременность и роды для женщины являются почти таким же преступлением, как и любая другая болезнь, поэтому любые сведения о страданиях матери держат в строгом секрете. Если обнаружится, что женщина тяжело страдала во время беременности и родов, то она может потерять прежнее уважение в глазах общества, и восстановить это уважение будет трудно или вообще невозможно. Новорождённых скрывают от посторонних взоров до тех пор, пока дети не научатся ходить и говорить. Если случится, что новорождённый умер, то, чтобы не уронить репутацию семьи, в документах следствия обычно указывается, что он умер в возрасте 75 лет в силу естественных причин.

КОММЕРЦИЯ

Коммерческая жизнь нигдейцев устроена совершенно не так, как наша. Насколько я мог понять, у них были две разные коммерческие системы, из которых одна была нацелена на использование воображения (например, в некоторых роскошно украшенных банках финансовые операции сопровождалась музыкой, потому эти банки так и назывались – музыкальные банки; музыка, впрочем, была для европейского уха совершенно отвратительна). Что касается самих финансовых операций, то понять их иностранцу было совершенно невозможно. Одно правило противоречило другому, одно и то же правило часто имело различный смысл, как в китайском языке, в котором одно и то же слово, произнесённое с разной интонацией, нередко имеет разные значения. В общем, если мой рассказ покажется бессвязным, то это только потому, что мне так и не удалось детально разобраться в этом предмете.

Насколько я вообще могу судить, у них было две денежных системы, каждая из которых контролировалась различными банками и имела свои правила. Первая (находящаяся под контролем музыкальных банков) называлась просто Система, в задачи которой входил выпуск валюты. Каждый, кто хотел принадлежать к приличному обществу, имел счёт в одном из музыкальных банков. Однако, насколько я могу судить, валюта эта не имела никакой ценности за пределами банка, и даже банковским работникам платили зарплату в другой валюте. М-р N. был крупной фигурой в другой банковской системе, но имел какой-то интерес и в музыкальных банках.

Удивительно, что женщинам разрешалось ходить в банк без сопровождения мужчин. Чтобы разобраться в этой странной системе, я не раз порывался сопровождать по

дороге в банк мою хозяйку и её дочерей, но меня не приглашали. Каждое утро я наблюдал, как они шли в банк, держа свои кошельки, не так, чтобы напоказ, но так, чтобы всем было ясно, куда они направляются. Иногда у меня возникало смутное чувство, что женщины хотели бы пригласить меня, чтобы я их сопровождал, но что-то их останавливало. Я, однако, настаивал, и после откровенных переговоров мне было дано такое разрешение...

Мы прошли через несколько улиц, застроенных богатыми домами, свернули за угол и вышли на площадь, где возвышалось старинное величественное здание, отделанное мрамором и украшенное многочисленными скульптурами, – здание, в архитектурном отношении несколько странное, но впечатляющее. Оно было огорожено. Пройдя через арку ворот, мы оказались в большом парке. По обеим сторонам дороги возвышались прекрасные могучие деревья, в которых щебетали сотни птиц, а среди деревьев в окружении фруктовых садов стояли скромные, но весьма комфортабельные домики, производящие впечатление спокойствия и достатка. Мало сказать, что главное здание банка производило большое впечатление, – оно просто поражало воображение. Это была героическая поэма в камне и мраморе, и я, очарованный и оторопелый, вдруг почувствовал дыхание далёкого прошлого. Одно дело знать об этом из книг, и совсем другое дело – увидеть наяву свидетельство ушедших веков. Я почувствовал, как коротка человеческая жизнь в сравнении с вечностью. Я был раздавлен ощущением своего ничтожества и думал о том, что люди, создавшие это творение, именно на такое впечатление и рассчитывали. У меня не возникало никаких сомнений в надёжности ценных бумаг, выпускаемых этим банком.

Мы прошли через парк и вошли в здание. Если снаружи оно производило необыкновенное впечатление, то внутри оно казалось ещё более впечатляющим. Массивные колонны поддерживали высокие потолки, витражи из цветного стекла изображали сцены из долгой и славной коммерческой истории банка, из дальних комнат доносились звуки мужского хора в сопровождении хора мальчиков. В этом хоровом пении слышалось и щебетание птиц, и меланхолическое завывание ветра, переходящее иногда в какой-то уж вовсе неприличный вой. Эта музыка казалась моему европейскому уху неуместной и неприятной, но я заметил, что она производила большое впечатление на дам, которых я сопровождал. Когда музыка стихла, женщины оставили меня в вестибюле, а сами направились во внутренние комнаты, из которых только что доносилось хоровое пение.

Пока они отсутствовали, я предался наблюдениям и размышлениям. Первое, что меня поразило, – здание было полупустое; немногочисленные посетители, которых я мог видеть, похоже, пришли сюда из любопытства, а вовсе не за делом. Набравшись храбрости и слегка отвернув от двери тяжёлую бархатную штору, я заглянул вовнутрь. Посетителей и там было немного. Среди сидящих за письменными столами многочисленных кассиров, готовых обналичить ваш чек, я заметил двух человек, которые выглядели как их начальники. Тут же были моя хозяйка и её дочери, несколько древних старух и несколько студентов из Университета Гипотетических Наук, который располагался по соседству с банком. Не похоже было, что работники банка были очень уж заняты, а ведь мне говорили, что чуть ли не все горожане имели счета в этом банке. В этот момент рядом со мной появился мрачный человек в чёрной мантии и с помощью весьма неприятных жестов выразил своё неудовольствие тем, что я подглядываю за

работниками банка. Я попытался сунуть ему в руку банкноту музыкального банка, подаренную мне м-ром N., но это привело его в совершенную ярость, пришлось подкупить его банкнотой из другого банка, и тогда он успокоился. Когда он удалился, я снова заглянул за штору. Я увидел, как моя хозяйка подала одному из кассиров листок бумаги, который, видимо, был чеком. Даже не взглянув на чек, кассир зачерпнул из старенького сундучка пригоршню монет и, не пересчитав, передал их моей хозяйке. Она тоже не стала их пересчитывать, а просто положила их в кошелек и вернулась на своё место, опустив по дороге несколько монет в ящичек для пожертвований в пользу бедных. Её дочери сделали то же самое. Вскоре они отдали все деньги, которые получили, клерку, который положил их назад в тот сундучок, из которого незадолго до этого их вытащил кассир. После этого все три женщины направились в мою сторону, так что я поспешил удалиться от двери. После того как мы воссоединились, все некоторое время хранили молчание. Наконец, я набрался храбрости и заметил, что, по-видимому, служащие банка были сегодня не так загружены работой, как обычно. На это м-с N. ответила, что да, действительно грустно наблюдать, как мало средств люди вносят в это самое драгоценное из всех учреждений. Я ничего не сказал в ответ, хотя и был убеждён, что большинство людей всё-таки знают, хотя бы приблизительно, где они получают то, что приносит им благополучие. М-с N. постаралась меня убедить в том, что небольшое число посетителей в банке вовсе не свидетельствует об утрате доверия к этому банку. К этим учреждениям, – продолжала она, – граждане относятся, как к сердцу страны, и если люди заметят, что этим учреждениям грозит хоть какая-то опасность, то помощь немедленно придёт из самых разных, в том числе и совершенно неожиданных, источников. Единственная причина, почему многие люди (включая, к сожалению, и м-ра N.) не оказывают должной

поддержки этому банку, заключается в том, что люди уверены, что дела у банка идут хорошо, а потому их поддержка не требуется. Кроме того, эти учреждения придерживаются самой безопасной банковской стратегии. Например, они не выплачивают вкладчикам никаких процентов по вкладам и потому нередко теряют клиентов, которые помещают свои деньги в другие фирмы, занимающиеся подозрительным и незаконным бизнесом. К сожалению, из-за происков этих недобросовестных дельцов, – продолжала м-с N., – даже держателей акций Музыкального банка, становится с каждым годом всё меньше, хотя банк наичестнейшим образом выплачивает им дивиденды раз в 30 тысяч лет, и последняя из таких выплат имела место всего две тысячи лет тому назад. Тем не менее, некоторые акционеры опасаются, что они не доживут до следующей выплаты дивидендов, и предпочитают вкладывать деньги в другие предприятия, которые обещают быструю прибыль. "Всё это очень грустно", – добавила она. Затем она вернулась к своему замечанию о том, что каждый добропорядочный гражданин страны одобряет и поддерживает музыкальные банки. Ну а то, что вкладчиков становится всё меньше, то этого и следовало ожидать, потому что среди людей, сведущих в делах, касающихся стабильности государственных учреждений (юристов, учёных, врачей, государственных мужей, деятелей искусства и пр.) немало оппозиционеров. Ослеплённые своими личными достижениями, они начинают сомневаться в основах стабильности и, в силу своего аморального желания получить насколько возможно скорую прибыль, переходят в оппозицию к государственным установлениям.

Если тело человека не абсолютно здорово, – продолжала она, – то и его интеллект не может быть достаточно здоров. Тело – это основа основ. Человек может быть не очень сильным физически (от её внимания, наверное, не ускользнуло, что я мог заметить среди

клиентов банка нескольких древних старух), но он должен быть совершенно здоров. В здоровом теле – здоровый дух. Чем здоровее человек физически, тем больше у него возможностей развивать свой интеллект и делать правильные выводы... Те люди, которых я мог видеть в банке, относятся к людям, с чьим мнением следует считаться в наибольшей степени. Многие из них согласны добровольно отодвинуть сроки выплаты им дивидендов на более отдалённое будущее... Всю дорогу до дома она продолжала рассуждать в том же духе.

Возможно, ей нравилось верить в то, что она говорила, но позднее мне приходилось встречаться с людьми, которые проявляли видимое безразличие по отношению к музыкальным банкам. Преданные сторонники музыкальных банков часто отрицали наличие в обществе таких индивидуумов, но в самом факте этого отрицания мне нередко виделось подтверждение того, что такие индивидуумы существуют. Во всяком случае, во времена коммерческой паники и экономических кризисов, люди в массе своей и подумать не могли о том, чтобы обратиться к этим банкам за помощью, хотя некоторые одиночки и пытались это сделать (отчасти – потому, что их так воспитали, отчасти – хватаясь за эту возможность, как утопающий хватается за соломинку). Но даже те немногие граждане, которые искренне верили в то, что музыкальные банки могут спасти их от разорения, на всякий случай запасались банкнотами, выпускаемыми другими банками. Однажды я даже имел смелость вежливо намекнуть на этот факт в разговоре с одним из руководителей Музыкального банка. Он ответил, что в прошлом это могло иметь место. Но к настоящему времени во всех отделениях банка заменены витражи, все здания отремонтированы, в них установлены более мощные органы. Более того. Даже члены Совета директоров стали пользоваться общественным транспортом, вежливо

разговаривают с людьми на улице и дарят подарки шаловливым детям, а потому у него нет никаких сомнений, что дела будут идти хорошо. "А сделали ли Вы что-нибудь для укрепления курса валюты?" – робко спросил я. "В этом нет никакой необходимости, – ответил он, – уверяю Вас, совершенно нет никакой необходимости". А между тем, все прекрасно знали, что деньги, получаемые в этом банке, это были не те деньги, на которые люди покупали себе хлеб, мясо и одежду. Нет, эти прекрасно оформленные банкноты не были фальшивыми, но это были как бы игрушечные деньги или жетоны, используемые вместо денег в некоторых карточных играх, потому что, несмотря на прекрасное оформление, эти банкноты были совершенно бесполезными в качестве платёжного средства. Некоторые монеты были обёрнуты в оловянную фольгу, но основная часть их была отчеканена из дешёвого металла, природу которого мне установить не удалось. Скорее всего это был не один металл, а несколько металлов или сплавов – от очень твёрдых до очень мягких, которым владелец мог придать любую желаемую форму. Конечно, все знали, что их покупательная способность равна нулю, но все, кто хотел выглядеть приличным человеком, считали необходимым иметь хотя бы несколько таких монет, которые можно было бы, как бы случайно, увидеть в их руках или в их кошельках. Более того, эти люди настаивали на том, что все монеты, отчеканенные в других банках, были просто мусором, по сравнению с монетами, выпускаемыми Музыкальным банком. Станным образом, однако, те же самые люди позволяли себе иногда посмеиваться над устройством всей финансовой системы в целом. Они от души смеялись над самыми грязными измышлениями, которые публиковались в ежедневных газетах (если эти публикации были анонимными). Но, если бы им сказали то же самое на полном серьёзе,

они почувствовали бы себя оскорблёнными и обвинили бы шутника в том, что он физически не здоров.

Я никак не мог понять (хотя сегодня я это, возможно, немного лучше понимаю), зачем нигдейцам нужно было иметь две валюты. Мне казалось, что если бы они пользовались только одной, то это в значительной степени упростило бы все их финансовые операции. Но когда я осмеливался на это только намекнуть, на меня смотрели с нескрываемым ужасом. Даже те, кто держал некоторую сумму в Музыкальном банке только для виду, называли все другие банки (в которых они хранили свои основные сбережения) ужасными (и это был не самый сильный эпитет).

Мне довелось побывать на церемонии открытия банка в городке по соседству. Я имел возможность наблюдать за лицами сотрудников этого банка. За редким исключением, в их лицах не было характерной для других нигдейцев искренности, они совсем не выглядели счастливыми, а когда они встречались мне на улице, они казались непохожими на других людей, и меня весьма удручало озабоченное и мрачное выражение их лиц. Выражение лица – это внешнее проявление внутренней сущности человека, и когда я смотрел на лица большинства этих людей, я не мог избавиться от ощущения, что было что-то такое в их жизни, что видоизменило их естественное развитие, и что они были бы гораздо здоровее душой, если бы сменили профессию. Мне было жаль их, потому что в 9 случаях из 10 они были совсем не плохими людьми. Несмотря на то, что платили им мало, они нередко проявляли на службе чудеса благородства и самопожертвования, им просто не повезло, потому что они попали в эту систему в раннем возрасте, когда они не могли ещё самостоятельно мыслить, а в школе им ничего не говорили о трудностях, которые эта система испытывала. Очень немногие люди могли

говорить в их присутствии прямо и свободно, и это, несомненно, дурной знак. Оказавшись с ними в одной компании, люди говорили, что все банки, кроме музыкальных, должны быть уничтожены, и в то же время все вокруг понимали, что даже сами кассиры не пользуются деньгами, напечатанными в Музыкальном банке. Предполагалось,, конечно, что уж они-то пользуются этими деньгами, но никакой уверенности в этом не было. Те из них, кто не особенно задумывался обо всём этом, выглядели счастливее остальных, но многие из них тайно страдали от необходимости делать то, что они делали. Некоторые из них заходили так далеко, что осуждали Систему в целом, но им приходилось делать это тайно, потому что, если бы об этом стало известно начальству, их немедленно уволили бы. А будучи уволенными из Музыкального банка, они уже нигде более не могли рассчитывать на работу по специальности. Фактически, попав в Систему в незрелом возрасте, вырваться из неё было уже практически невозможно.

Иногда они подвергались искушению сделать то, что в Англии называется использование служебного положения в личных целях, подлог и обман. Далекое не у многих хватало мужества хорошенько обдумать свои решения, прежде чем совершить "прыжок в неизвестность". Казалось бы, осторожность в таких ситуациях – это элементарная вещь, которой приличные люди должны учить своих детей с малолетства, но на практике всё было по другому. Мне приходилось видеть, как родители фактически покупали для своих детей возможность когда-нибудь служить кассиром в банке. Ребёнок рос, надеясь благодаря этой возможности стать приличным человеком, но ему не говорили о том, какие тяжёлые последствия может повлечь за собой решение его родителей. Никто не мог или не решался сказать ему, что ему, возможно, придётся жить всю жизнь прожить

в мире лжи, из которого нет выхода... Признаюсь, мало что в жизни нигдейцев шокировало меня больше, чем это.

Впрочем, и в Англии мы нередко встречаемся с подобными явлениями. В том, что касается "двойной бухгалтерии", то во многих странах она закреплена законодательно, поскольку в этих странах есть формальные законы, которые считаются священными, и прочие законы, которым люди подчиняются в своей повседневной жизни. Порою мне кажется, что необходимость в каком-то высшем, священном законе, стоящем над обычными законами и нередко противоречащим им, проистекает из человеческой природы...

ЛЮБОВЬ

Несмотря на гостеприимство, оказанное мне со стороны м-ра N., я его почему-то недолюбливал. Но его младшая дочь А. была воплощением совершенства. Она много помогала в домашних делах и м-ру N., и своей матери, и своей сестре и вносила в жизнь этой семьи нежность и внимание к ближнему. С утра до вечера она всегда была чем-нибудь занята, сохраняя при этом светлую улыбку на своём лице. Она соединяла в себе обаяние красоты и обаяние молодости. Я не буду и пытаться описать её, потому что, любые слова не дадут читателю верного о ней представления. Представьте себе самую очаровательную девушку, какую только можете себе представить – так вот, она была много лучше, чем вы себе представляете! Надо ли удивляться тому, что я в неё сразу же влюбился? Несмотря на то, что я изо всех сил старался не показывать этого, она, конечно, это чувствовала. Тем не менее, я делал всё возможное, чтобы себя не выдать. Я ведь не знал, как к этому отнесутся её родители, а я был уверен, что она даже не посмотрит на меня, если её родители этого не одобряют. К тому же, у меня не было никаких средств, за исключением скромной (около 1 фунта стерлингов в день на наши деньги) пенсии, назначенной мне Королём. О других, более серьёзных, препятствиях я тогда и не догадывался...

Тем временем настал день, когда я должен был появиться в суде, где мне сообщили, что мне дано милостивое разрешение на проживание в этой стране. Я удостоился нескольких встреч с Королём и с Королевой. Её величество проявляла живой интерес ко всем моим вещам, и я отдал ей всё, за исключением двух пуговиц, которые я (к большому огорчению Королевы) подарил дочери тюремщика. Для появления в суде Её

величество подарила мне новый костюм, а мою старую одежду приказала надеть на деревянный манекен. Этот манекен, наверное, и сейчас одет в мою одежду, если только её не сняли в дальнейшем, после моей опалы... У Его величества были манеры хорошо воспитанного английского джентльмена. Ему приятно было узнать, что в моей стране тоже было монархическое правление и что подавляющее большинство населения считает, что это правление не следует изменять. Но одна из моих бесед с Королём имела особенно важные последствия. Он спросил меня о моих часах и поинтересовался, как к этому опасному изобретению относятся в моей стране. С некоторым смущением я ответил, что часы в моей стране не считаются чем-то необычным, но, увидев, как помрачнело его лицо, я поспешил добавить, что этот предмет уже выходит из употребления. В ответ на его вопросы я сообщил ему и о некоторых других машинах и механизмах, которые используются в моей стране. Боясь вызвать его неудовольствие, я не посмел рассказать ему о паровых машинах, о железной дороге и об электрическом телеграфе, но счёл безопасным упомянуть о недавних успешных полётах на воздушном шаре. Из вежливости, Король не стал мне возражать и, начиная с этого дня, относился ко мне с особым вниманием, признавая во мне гения (по-видимому, из-за белого цвета моего лица). Он никогда больше не расспрашивал меня о манерах и обычаях моей страны.

Вскоре я узнал, что, принимая во внимание моё отменное физическое здоровье и, особенно, светлые волосы, м-р и м-с N. не имеют ничего против моего брака с их дочерью. Однако, кроме этой хорошей новости, была и плохая: я должен был жениться на их старшей дочери Z., к которой я никакой особой симпатии не питал. Поначалу я не замечал соответствующих скрытых намёков, но скоро тайное стало явным. До меня дошли слухи, что Z., независимо от того, какие чувства она ко мне испытывает, не возражает

против того, чтобы выйти за меня замуж. Из разговора с одним очень неприятным молодым человеком, который иногда появлялся в доме, я узнал, что таков местный обычай: если кто-то хочет войти в семью через брак, то он обязан жениться на старшей дочери (если она не замужем). Этот молодой человек так часто и настойчиво советовал мне жениться на Z., что в конце концов я понял, что он просто влюблён в A. – её младшую сестру. Моё единственное утешение состояло в том, что A. не отвечала ему взаимностью и не обращала внимания на его ухаживания. Впрочем, на меня она тоже обращала мало внимания. Не то чтобы она старалась меня избегать, наоборот – у нас случались и встречи наедине (потому что её родители надеялись, что под её влиянием я сделаю вклад в Музыкальный банк). Надо ли говорить, что ей удалось убедить меня сделать такой вклад, хотя бы из соображений приличия. Впрочем, я сдался не сразу. Наши беседы доставляли мне удовольствие, и я не хотел, легко согласившись на уговоры, прекратить наши встречи. Да и вообще, некоторые сомнения и колебания повышают ценность любого согласия...

РЕЛИГИЯ

Во время этих бесед я кое-что узнал о религиозных верованиях нигдейцев и о какой-то тайной связи между их религией и необходимостью вкладов в Музыкальном банке...

Кроме божеств, ответственных за состояние их физического мира, у них были божества, управляющие надеждой, страхом, любовью и т. д. Этим божествам посвящались особые храмы, в которых служили особые жрецы. Все эти божества изображались в виде вытесанных из камня скульптур, которые по форме были похожи на изображения людей, но должны были представлять собою нечто большее, чем просто люди. Богиню правосудия, например, они представляли в виде женщины с завязанными глазами и весами в правой руке, которая, по преданию, живёт очень далеко от земли. Но люди, которые отрицали существование богини правосудия, тем самым отрицали существование правосудия и потому считались злостными еретиками, которые оскорбляют чувства верующих. Нигдейцы питают отвращение к любым попыткам убедить их в том, что, кроме тех божеств, которым они поклоняются, может существовать некая божественная сущность высшего порядка. У меня с А. не раз возникали споры на эту тему, из которых я мог заключить, что в глубоких тайниках её души, её беспокоят некоторые сомнения на этот счёт... Но в конечном итоге, она всегда оставалась при своём мнении, а у меня не было слишком большого желания её разубеждать. Я полагаю, что те люди, которые ни в чём не сомневаются (а это возможно только тогда, когда речь идёт о предметах весьма туманных), должны если не просветить других людей, то, по крайней

мере, чётко сформулировать то, что они думают, и объяснить, почему они так думают...

Но она была убеждена в том, что есть вещи о которых лучше не знать...

У нигдейцев, впрочем, есть некая Верховная богиня, которую они считают вездесущей и всемогущей, но об этом они стараются не говорить, и даже имени её стараются, по возможности, не произносить. Даже те, кто тайно и страстно ей молятся, часто отрицают её существование. Были и такие, кто никогда не признавал эту богиню, но и никогда не нарушал её заповедей, если только в этом не было крайней необходимости (в последнем случае Верховная богиня их простила и освобождала от наказания). Я никак не мог понять, почему они открыто не признают Верховную богиню и не откажутся от персонифицированной Надежды, Справедливости и от других своих языческих божеств. А оттуда был бы уже один только шаг к признанию существования Всевышнего, загробной жизни и т. д. Но я быстро убедился в том, что даже намекать на это было "безнравственно" и очень опасно. На мой робкий вопрос, почему это было бы безнравственно, они отвечали, что такой взгляд на вещи может привести людей к недооценке их земной жизни и к ложному убеждению в том, что настоящая жизнь имеет лишь вторичную ценность по сравнению с будущей, отвлекая внимание людей от работы по усовершенствованию мировой экономики, побуждая бедняков смириться с их участью и оправдывая существование многочисленных несправедливостей, которые, в противном случае, могли бы быть исправлены...

О НОВОРОЖДЁННЫХ

Нигдейцы не верят в жизнь человека *после* его смерти, но от некоторых гостей м-ра N. мне доводилось слышать о том, что они верят в жизнь человека *до* его рождения. Мало того. Они убеждены в том, что рождение детей зависит от их (детей) собственного решения. В этом случае дети начинают мучить супругов и не оставляют их в покое до тех пор, пока те не согласятся сделать всё, что необходимо, для появления ребёнка на свет. Нигдейцы считают, что, в противном случае, обрекать своих детей на все превратности жизни без их (детей) предварительного согласия было бы непозволительным произволом со стороны супругов. Никто не имеет морального права вступать в брак, зная, что дети от этого брака могут оказаться в этой жизни менее счастливыми, чем они были бы, если бы вовсе не рождались на свет. Это убеждение нигдейцев настолько твёрдо, что они создали целую мифологию и выдумали мир, в котором люди живут до их рождения.

Ну а теперь – о том, что нигдейцы делают с теми, кто всё-таки появился на свет. Одна из особенностей нигдейцев состоит в том, что они обо всём говорят с уверенностью, но редко действительно верят в то, что они говорят. Если же речь идёт о некоторых недостатках самых дорогих их сердцу учреждений, то нигдейцы предпочитают просто не замечать эти недостатки. Это касается и мифологии нигдейцев, относящейся к вере в жизнь до рождения. Они и сами не знают точно, верят ли они во все эти мифы или нет, но они уверены в том, что в эти мифы нельзя не верить. Нигдейцы убеждены, впрочем, что именно не родившиеся ещё дети заставляют родителей производить детей на свет и что если бы дети оставили своих родителей в покое, то они (дети) и вовсе не родились бы. Однако нигдейцы на этом не останавливаются. Для того, чтобы быть совершенно

уверенными в этом, они требуют от своих новорождённых письменного свидетельства в том, что эти дети появились на свет по своей воле и что родители освобождаются от всякой ответственности за их рождение. Для этой цели был разработан образец специального документа, конкретное содержание которого зависит от степени осторожности родителей, но смысл которого остаётся во всех случаях одним и тем же (нигдеиским юристам потребовалось много лет для того, чтобы создать документ, действительный во всех случаях). Бланки таких документов печатаются на дешёвой бумаге, а потому – доступны даже самым бедным гражданам. Но богатые люди нередко заказывают эти документы отпечатанными на дорогом пергаменте и в дорогом переплёте, так что этот документ является одновременно и показателем высокого положения новорождённого в обществе.

Согласно этому документу, новорождённые несут ответственность за любые физические недостатки, которыми они были наделены со дня своего рождения, и готовы, в случае необходимости, нести за это ответственность в соответствии с законами страны, гражданами которой они являются. Родители не несут никакой ответственности за физические недостатки новорождённых, сохраняют за собой право лишить младенца жизни при рождении и проявляют величайшее милосердие, если оставляют его в живых. Если он оставлен в живых, новорождённый обязуется безусловно подчиняться своим родителям в детстве и даже всю жизнь, если только необходимость беспрекословного подчинения не ослабляется в дальнейшем специальными пунктами договора. Иногда этот документ обрастает многочисленными деталями, что зависит от прихоти юристов, которые не умеют составлять кратких документов. Такой документ составляется обычно в присутствии друзей семьи, которых родители угощают потом праздничным обедом, на

третий или четвёртый день после рождения ребёнка. За таким обедом гости обычно сидят с мрачными лицами, а потом они дарят родителям новорождённого подарки, чтобы хоть как-то утешить их в горе, которое новорождённые причиняют им своим рождением.

В это время няня приносит младенца в компанию, и все начинают допытываться, как это он имел столько дерзости, чтобы совершить такое (и это после всех страданий, которые причинили его родителям его десять или двенадцать братьев и сестёр!) и что он собирается сделать, чтобы хоть как-то компенсировать нанесённый родителям ущерб.

Подобные разговоры продолжаются до тех пор, пока не принесут, наконец, вышеупомянутый документ, который торжественно зачитывает семейный врачеватель (в таких случаях всегда приглашают врачевателя, потому что своим непрошенным вторжением в мирную жизнь семьи младенец уже демонстрирует необходимость профессионального вмешательства в ситуацию).

Огорчённый этим чтением и щипками заботливой няни, ребёнок обычно начинает плакать, что считается добрым знаком, потому что всем становится ясно, что он осознаёт свою вину. После этого новорождённого спрашивают, согласен ли он со всеми пунктами зачитанного документа, и, поскольку младенец продолжает плакать, кто-то из друзей семьи обычно выступает вперёд и подписывает документ от лица новорождённого.

Предполагается, что младенец и сам сделал бы это, если бы знал как, и что, когда он вырастет, ребёнок освободит от ответственности лицо, подписавшее документ от его имени, и подпишет этот документ самолично. До тех пор, пока он не сделает этого (в четырнадцатилетнем возрасте) все будут чувствовать некоторую неловкость и беспокойство. Когда ребёнку исполняется 14 лет, все эти люди стараются задобрить его обещаниями большей свободы и всяких благ или запугать его своим нерасположением.

Для этой цели приглашаются также преподаватели из Университета Гипотетических Наук, которые также уговаривают подростка принять на себя ответственность за подписание этого документа. Таким образом, по видимости свободное волеизъявление по сути дела таковым не является.

Однажды я спросил одного профессора гипотетических наук, считает ли он приемлемым тот факт, что человек подписывает обязательство, касающееся его будущего, не зная этого будущего. Упомянутый профессор (прекрасный человек, между прочим) был очень удивлён такой постановкой вопроса. "Нигдейцы – люди консервативные и привыкли уважать обычаи своей страны," – осторожно начал он. "Человеческий язык, – продолжал профессор, – не в силах выразить всю глубину человеческой мысли, которая не поддаётся абсолютному выражению. Нет ни одного перевода с одного языка на другой, в котором смысл переводимого текста так или иначе не был бы искажён..." "Никто и не ожидает, – добавил он, – что ребёнок в действительности понимает то, что он, судя по его заявлениям, понимает. Но мы живём в мире компромиссов, а потому ни одно заявление не следует понимать буквально... Рано или поздно ребёнок поймёт, что компромиссы необходимы. К сожалению, необходимы". "И чем раньше мои студенты поймут это, тем лучше для них. Но я никогда не скажу это своим студентам прямо," – закончил он.

ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ

Нигдейцы верят, что когда-то на земле жили люди, которые представляли себе будущее лучше, чем прошлое, но именно несчастье, порождённое этим знанием, было причиной того, что все они умирали в очень раннем возрасте. Если такие люди появятся в наше время, то они не выдержат борьбы за существование и исчезнут в результате естественного отбора прежде, чем успеют оставить потомство, – говорят нигдейцы.

Что касается представлений о нерождённых людях, то нигдейцы уверены, что эти люди, не имея тела, остаются чистыми душой. Эти существа представляют собой некие газообразные человекоподобные фигуры, вроде привидений, а потому у них нет ни плоти, ни крови, ни тепла. Согласно этим представлениям, города, в которых живут эти нерождённые люди, тоже представляют собою нечто нематериальное. Питаются эти люди какой-то тончайшей амброзией и способны ко всем действиям, характерным для живых людей, с той только разницей, что вся их жизнь проходит как бы во сне. Они никогда не умирают. Единственная форма смерти для них – это их появление в нашем материальном мире. Считается, что их гораздо больше, чем людей, живущих на земле. Они прибывают к нам большими группами с далёких, не известных нам планет, будучи уже взрослыми. Они считаются счастливыми людьми, потому что не знают ни больших радостей, ни больших горестей, никогда не вступают в брак и живут неиспорченной первозданной жизнью. (Несмотря на это, они беспрестанно жалуются). Они знают, что мы живём в материальном мире, они всё знают про нас, потому что они существуют среди нас, они способны читать наши мысли и свободно наблюдают за нашими действиями. Однако многим из них этого не достаточно. Большинство из них страстно желают обрести тело, способное к "тёплым

ощутительным движениям", а некоторые готовы пойти на всё, чтобы удовлетворить это желание.

Когда их решение созрело, они должны предстать перед администратором ближайшего города и подписать документ, подтверждающий их желание прекратить своё существование. Администратор зачитывает им условия, с которыми они должны согласиться. Это очень длинный документ, я остановлюсь только на некоторых пунктах.

Сначала они должны выпить снадобье, которое приводит к полной потере памяти и самосознания. Они должны прийти в материальный мир совершенно беспомощными; при этом они не имеют выбора: тело, в которое они воплотятся, они получают по жребии. Они должны самостоятельно разыскать супружескую пару (которая тоже достаётся им по воле случая) и докучать супругам до тех пор, пока те не согласятся их принять. Они не знают заранее, добрые это люди или злые, здоровые или больные, богатые или бедные. На много лет они отдают себя в руки людей, положительные качества которых вовсе не гарантированы.

Интересно ознакомиться с теми лекциями, которые администраторы читают решившимся на этот шаг. Эти лекции напоминают наши увещевания, обращённые к расточительным транжирам (примерно, с таким же результатом). Быть рождённым, – говорят администраторы, – это серьёзное преступление, наказание за которое может прийти в любой момент. В материальном мире вы, возможно, проживёте 70 или 80 лет, однако, что такое 80 лет в сравнении с вечным блаженством, которое вы испытываете сегодня? Но даже если ваше преступление будет прощено и вам будет дарована жизнь вечная, вы, в конце концов, настолько устанете от жизни, что смерть будет для вас благом! Вы должны подумать и о том, что ваши родители могут оказаться злодеями и

воспитают из вас таких же злодеев. Или они окажутся глупцами, уверенными в том, что вы являетесь их собственностью и принадлежите больше им, чем себе. Или вам достанутся бесчувственные родители, которые никогда не смогут понять вас и будут обращаться с вами как курица, которая высидела утиное яйцо; и вас же они будут обвинять в неблагодарности. Или вам могут достаться родители, которые полностью подчинят вас своей воле, не принимая во внимание ни ваших собственных чувств, ни ваших желаний.

Позднее, когда вы, наконец, станете полноправными членами общества, вы сами станете объектами докучки со стороны нерождённых людей – вы этого хотите?! Вы же знаете, что только немногие способны сопротивляться этому давлению, подчиниться которому означает, что вам придётся иметь дело с полдюжиной людей, о которых вы заранее ничего не знаете (не знаете даже, мужчины они или женщины; не знаете даже, сколько их будет!) Не обманывайте себя той мыслью, что вы окажетесь мудрее, чем были ваши родители. Вы, возможно, на сто лет опередите в своём развитии тех, кому вы в своё время докучали, но вы на сто лет отстанете от тех, кто будет докучать вам... Представьте себе полдюжины людей, которые вас не любят, несмотря на то, что вы делали для них всё, что могли; которые забудут ваше самопожертвование или даже затаят на вас злобу за ваши прошлые ошибки. Таковую неблагодарность трудно вынести, но она не является редкостью. Да, трудно чувствовать себя утёнком, которого высидела курица, но не легче и чувствовать себя курицей, которая высидела утёнка...

Умоляем вас, подумайте обо всём этом – не ради нас, но ради вас самих. Ваш характер будет зависеть от жребия, а сколько-нибудь успешное развитие вашего характера будет зависеть от вашего воспитания, на которое вы не в состоянии оказать никакого

влияния. Вполне возможно, и даже весьма вероятно, что всего, чего вы добьётесь в жизни, вы добьётесь не благодаря, а вопреки вашим родителям. Вы добьётесь свободы только после многих лет изнурительной борьбы, во время которой вы будете и страдать и причинять страдание другим людям, и неизвестно, чего будет больше.

Помните также и том, что, если вы уйдёте в тот мир, у вас будет свобода воли. Вы будете обязаны иметь её, вы не сможете от неё освободиться в течение всей жизни. Вы должны будете принимать решения, которые кажутся наилучшими в данное время, вне зависимости от того, насколько они правильны. Вам придётся многое принимать во внимание и брать на себя ответственность за принятые вами решения в ситуации, на которую вы не всегда можете повлиять. И в случае неудачи вам некого будет винить, кроме себя.

Нет, мы не отрицаем, что в мире живых людей есть и некоторые удовольствия. В определённые моменты вашей жизни, вы, возможно, почувствуете, некоторое удовлетворение или даже счастье. Но таких моментов будет тем меньше, чем старше вы становитесь. Стоят ли молодые удовольствия тех несчастий, которые ждут вас в пожилом возрасте? Когда вам 20, у вас, возможно, будут силы, красота, удача, но много ли всего этого останется, когда вам будет 60? Жизнь так устроена, что вы не сможете жить в старости на проценты с капитала молодости. В течение жизни вы принуждены будете постепенно расходовать ваши основные средства и будете с ужасом наблюдать, как они неуклонно уменьшаются, и когда придёт старость, вы обнаружите, что оставшийся капитал не приносит вам никакой прибыли.

Помните, что нет человека, который, будучи в возрасте около сорока лет, не пожелал бы вернуться в мир нерождённых людей, при условии, что будет найден

достойный способ туда вернуться. Живя в материальном мире, он принуждён жить там, пока не придёт его время уходить, но неужели вы думаете, что он согласился бы родиться вновь и заново прожить свою жизнь? И не думайте! Если бы он только мог изменить своё прошлое так, чтобы вообще не рождаться на свет, он сделал бы это с радостью...

Таким вот образом они пытаются убедить тех, кто решил их оставить, не делать этого, но это обычно не помогает, потому что те, кто настолько глуп, чтобы принять такое решение, обычно бывают достаточно глупы и для того, чтобы осуществить его.

О ДЕТЯХ

Нигдейцы обычно думают, что этот мир не так плох, как его изображают. Но они часто не верят в то, что объявляют бесспорным. На практике они значительно видоизменяют теорию. Например, они очень редко обращаются к вышеупомянутому документу, который подписывается от лица новорождённого. И хотя люди обычно не любят маленького нарушителя их спокойствия в первые 12 месяцев его жизни, в дальнейшем – у многих из них появляется некоторая привязанность к тем, кого они называют своими детьми. Несмотря на такое видоизменение теории на практике, отношения между родителями и детьми в Нигдее обычно не такие тёплые, как в Европе. Мне редко приходилось видеть проявления искренней сердечности в отношениях между детьми и взрослыми. Хотя от случая к случаю я с удивлением замечал, как даже двадцатилетние дети, имея возможность выбрать себе компанию, выбирают в качестве компаньонов своих родителей. Карета врачевателя редко останавливается перед дверями таких домов... Я не могу вполне выразить своё удовольствие от наблюдения за тем, как вознаграждаются терпение, доброта и мудрость, и я убеждён, что если бы родители помнили, что они чувствовали, когда они были молодыми, и что если бы они обращались со своими детьми не так, как их родители обращались с ними, то и почти все остальные родители могли бы получать такое же удовольствие от общения со своими детьми. Однако только один из 100 тысяч способен осуществить на практике то, что кажется таким простым в теории. Мне приходилось наблюдать только два случая настоящей любви между всеми членами семьи.

Я убеждён, что 18-летние дети, которые по-настоящему любят своих родителей, будут рады видеть их и в 60-летнем возрасте, и радость эта может сравниться только с радостью видеть счастливыми их собственных детей и внуков. Так оно и должно быть. И это не недостижимый идеал. То, что возможно в одном случае, должно быть возможным во всех или почти во всех случаях – если бы только родители обладали должной выдержкой и терпением. Но на практике это встречается так редко, что у нигдейцев даже существует поговорка, которую можно описательно перевести так: в мире ином некоторые дети получают удовольствие, наблюдая за несчастьем их родителей, обречённых на вечное общение со своими родителями. А "любовь по обязанности" лежит в основе значения слова, обозначающего в нигдейском языке острую боль.

Деньги – это основа всего. Если бы родители больше внимания уделяли развитию у своих детей трудовых навыков, то дети скорее становились бы самостоятельными и материально независимыми. А в наше время взрослые потребности у детей возникают раньше, чем дети научатся зарабатывать, чтобы удовлетворять эти потребности. В этом случае дети должны научиться обходиться без того, что они не могут себе позволить, а иначе они будут стоить своим родителям гораздо дороже, чем планировалось. Во многом это происходит из-за несовершенных школ, в которых дети изучают гипотетические принципы бессмыслицы (я расскажу об этом позднее) вместо того, чтобы приобретать практически полезные навыки, соответствующие их возрасту. Вместо того, чтобы уже в младших классах учить их что-то делать, их учат только рассуждать о деятельности.

Нигдейские школы гипотетических наук меня очень удивляют. Не желая скатиться в грубый утилитаризм, я должен признать, что эти знания могут оказаться подходящими для детей богатых родителей или для детей с особыми способностями к гипотетическим

наукам, но проблема состоит в том, что почти все нигдейцы, из соображений престижа, считают нужным посылать своих детей в эти дорогостоящие школы, тратя на них свои многолетние сбережения. Просто поразительно наблюдать, на какие жертвы готовы пойти родители, чтобы дать своим детям совершенно бесполезное образование! И ещё неизвестно, кто больше страдает при этом: родители, вынужденные нести непосильные расходы, или дети, которым забивают головы чепухой, ориентируя их в неверном направлении или (в большинстве случаев) оставляя их с туманом в голове.

Боюсь ошибиться, но мне кажется, что нынешняя тревожная тенденция к сокращению размеров семьи за счёт убийства невинных зародышей во многом объясняется тем, что образование в Нигдее превратилось в какой-то фетиш. Согласен, необходимо позаботиться о том, чтобы научить всех детей чтению, письму и счёту, но на этом обязательное, финансируемое государством образование должно заканчиваться, и в дальнейшем детей следует обучать какому-нибудь полезному ремеслу, которое поможет им впоследствии зарабатывать на жизнь (разумеется, не перегружая их работой в раннем возрасте). Ребёнок не может получить необходимые трудовые навыки в оторванных от жизни школах, подобных английским ремесленным училищам, такие навыки приобретаются только в настоящих мастерских, в которых люди зарабатывают себе на хлеб. Дети обычно не любят ничего искусственного, их привлекает реальное дело. Дайте им возможность зарабатывать – и они будут зарабатывать. Когда родители увидят, что их дети вместо получения бесполезного образования делают что-то, что пополняет бюджет семьи, они, возможно, перестанут убивать их в зародыше и будут материально заинтересованы в большем количестве детей в семье. А при настоящем положении вещей

государство вынуждает людей творить зло, а потом наказывает их за то, к чему оно их вынудило.

В общественных низах вред, наносимый детям системой образования нигдейцев, не так заметен. Дети из бедных семей в 10-летнем возрасте уже начинают заниматься каким-то делом. Если у них есть способности, они будут учиться и пробьются наверх, если нет – они, по крайней мере, не будут испорчены бесполезной школой.

Люди, как правило, находят подходящий для себя уровень. За редкими исключениями, те люди, которые обладают ценными качествами, оказываются в состоянии выгодно продать свои умения. Нигдейцы начинают это понимать. Ведутся даже разговоры о том, чтобы облагать дополнительным налогом тех родителей, чьи дети к 20-летнему возрасту не научились никакому полезному ремеслу. Если у нигдейцев хватит решимости сделать это предложение законом, то, я уверен, родители сами позаботятся о том, чтобы их дети начинали зарабатывать как можно раньше. Дети быстрее станут материально независимыми, родители быстрее избавятся от бремени расходов на их воспитание, и это может привести к общему улучшению отношений между родителями и детьми.

Человек, который благодаря своему труду и своим талантам способен сократить хотя бы на доли процента цену (например) на шерстяные изделия, стоит десятка благотворителей. Настоящая благотворительность в этом и заключается. Нигдейцы это понимают и дают налоговые льготы тем, кому удаётся сделать товары более дешёвыми и тем самым поспособствовать благосостоянию общества в целом. Даже если такие люди становятся богачами, нигдейцы не видят в этом никакой несправедливости, считая их состояние платой за их трудолюбие и компенсацией за развитие их способностей (данных

им свыше). Деньги – это награда, – говорят нигдейцы, – награда за то, что человек сделал для общества нечто, в чём общество действительно нуждалось. Может быть, общество и не самый лучший судья в этих вопросах, но другого-то нет...

Люди нередко противопоставляют деньги и культуру, подразумевая при этом, что человек, который тратит время на то, чтобы делать деньги, не имеет времени для культурного развития. Какое заблуждение! Как будто есть другой путь для духовного развития, кроме как добиться финансовой независимости! Как будто культурное развитие может помочь нищему! – Оно только усилит его страдания от сознания того, что его высокий культурный уровень никак не помогает ему сводить концы с концами.

У нигдейцев есть ещё одна проблема, которая вызывает в обществе громкое и яростное обсуждение (примерно, такое же, как вопрос об избирательных правах для женщин в Англии). Люди, принадлежащие к партии крайних радикалов, никак не могут решить, какой возраст лучше – зрелый или молодой. В настоящее время считается необходимым сделать молодых людей зрелыми как можно скорее. Некоторые люди считают, что это неверно, и что задача образования заключается в том, чтобы зрелые люди как можно дольше оставались молодыми. Для этой цели они предлагают молодым и пожилым чередоваться: одну неделю руководителями будут зрелые люди, другую неделю – молодые. Зрелыми предлагается считать людей в возрасте 35 лет и старше. Предлагается также, чтобы молодые начальники имели право наказывать неисправимых подчинённых. В Европе этот вопрос даже не обсуждается, но там врачеватели обычно не наказывают людей кнутом... Не думаю, что эти предложения когда-нибудь станут законами, но даже тот факт, что они обсуждаются, уже свидетельствует о странных воззрениях нигдейцев.

СНОВА О ЛЮБВИ

Я жил в доме мистера N. уже пять или шесть месяцев и не раз собирался снять для себя квартиру в городе. Но м-р и м-с N. и слышать об этом не хотели. Я полагаю, они надеялись, что, оставаясь в их доме, я могу влюбиться в их дочь Z., хотя на самом деле, их дочь A. была причиной, почему я тянул с отъездом. Всё это время я провёл в мечтах о нашем союзе, хотя мы пока что не были готовы к тем трудностям, с которыми мы неизбежно столкнулись бы на нашем пути. Однако постепенно, независимо от нашей воли дела наши подошли к кризису, в результате которого мы увидели все эти трудности яснее, чем нам хотелось бы.

Однажды вечером мы сидели в саду и я всячески пытался получить от неё признание в том, что ей жаль будет мужчину, который по-настоящему любит женщину, не желающую выйти за него замуж. Я заикался, краснел и, наверное, имел очень глупый вид, стараясь заслужить её сочувствие столь очевидным образом. "Жаль? – спросила она. – Мне жаль себя, и жаль Вас, мне всех жаль". Сказав это, она кивнула мне головой, посмотрела на меня пристально и удалилась. Эти простые слова открыли мне глаза: я понял, что у меня нет никакой надежды убедить её нарушить непреложные правила и обычаи своей страны, открыто выйдя за меня замуж. Я долго размышлял о том позоре и о том несчастье, которые были связаны в Нигдее с нарушением брачных обычаев, и пришёл к выводу, что мне должно быть стыдно за то, что я посмел на что-то надеяться. Сегодня я могу писать об этом спокойно, но тогда я по-настоящему страдал, и страдания эти, наверное, лучше бы сохранились в моей памяти, если бы в дальнейшем всё не закончилось так благополучно.

Я, конечно, не мог отказаться от намерения жениться на А., но для этого надо было найти какое-то другое решение. О том, чтобы подождать, пока кто-нибудь сделает предложение Z., я и думать не мог. Но жениться на моей возлюбленной, открыто презрев нигдейские обычаи, – от этой мысли мне тоже пришлось отказаться. Оставалось только одно: сбежать с ней в Европу, где не было бы никаких препятствий для нашего брака (за исключением моего безденежья, о чём я, впрочем, мало заботился). Было только два сколько-нибудь значительных препятствия на пути к осуществлению этого простого плана. Первое: А., вероятно, не согласится бежать со мной. И второе: мне было бы достаточно трудно сбежать и одному, поскольку я находился там на положении осуждённого на поселении и при первой же попытке бежать меня отправили бы в больницу для неизлечимых больных. Кроме того, я не был знаком с этой местностью, а в случае, если бы я попытался избрать для бегства тот же путь, каким я пришёл в эту страну, меня, скорее всего, задержали бы раньше, чем я успел бы добраться до перевала. День за днём я обдумывал всевозможные варианты и наконец остановился на самом безумном из них. Мой план касался, главным образом, второго затруднения. Что касается первого – то, когда мы встретились после нашего свидания в саду, я сразу понял, что моя возлюбленная страдает не меньше, чем я. Я решил увидеться с ней ещё раз, а затем прекратить наши встречи и сосредоточиться на осуществлении моего плана. Мы встретились наедине, и на этот раз я уже не сдерживал себя и признался ей в моей страстной любви к ней. Она почти ничего не сказала в ответ, но по её слезам я понял, что с этой стороны препятствий для осуществления моего плана у меня не будет... Потом я прямо спросил её, сможет ли она подвергнуть себя огромному риску ради того, чтобы я увёз её в свою страну, где живут моя мать и мои сёстры. Я добавил, что они будут

счастливы принять её в нашу семью. Я честно сказал ей, что вероятность успеха нашего предприятия намного меньше, чем вероятность провала, более того, несмотря на мою решимость осуществить этот план, есть вероятность того, что мы погибнем... Я не ошибся в моей возлюбленной. Она призналась мне, что любит меня не меньше, чем я люблю её, и согласна на всё, при одном только условии: что её поступок не будет считаться предосудительным в Англии. Она добавила, что не может жить без меня и согласна скорее умереть со мной, чем жить без меня. Она сказала мне, чтобы я не сомневался в ней и приступил к осуществлению моего плана, а когда всё будет готово – она сделает всё, чтобы не подвести меня. После обильных слёз и страстных объятий мы с большим трудом расстались.

После этого я покинул семейство N., снял квартиру в городе и погрузился в меланхолию. Я иногда виделся мельком со своей возлюбленной в Музыкальном банке, но её старшая сестра и мать относились ко мне с подчёркнутой холодностью (возможно, они что-то подозревали). А. неважно выглядела, и я холодел от мысли, что она может серьёзно заболеть и тогда её отдадут под суд. Я просто ненавижу Нигдею при этой мысли!

Прошло около десяти месяцев с того дня, как я пустился в моё путешествие через перевал, но мне эти десять месяцев казались десятью годами...

Мне по-прежнему надо было появляться время от времени в суде, но моя привлекательная внешность меня, кажется, больше не спасала. В отличие от большинства нигдейцев мне плохо удавалось скрыть мою меланхолию, даже мои друзья начали подозревать, что я физически не здоров. Я притворился, что излишне увлёкся спиртными напитками и даже обратился в связи с этим к врачу. На некоторое время все успокоились, но вскоре мои друзья снова начали волноваться за меня, видя, как я хую.

Мне сообщили, что городские бедняки выразили возмущение по поводу моей пенсии, а в оппозиционной газете даже появилась ядовитая статья по этому поводу. Автор этой статьи договорился до того, что мои светлые волосы не делают мне особой чести, потому что, по моему собственному признанию, в той стране, из которой я прибыл, это не такая уж редкость. У меня зародились подозрения, что эта статья была написана по наущению м-ра N. Но это не всё. До меня дошли слухи, что Король снова заинтересовался тем фактом, что при обыске у меня были найдены часы и даже сказал, что мне потребуется лечение, потому что я, якобы, ввёл его в заблуждение, рассказав ему о воздушных шарах. Я чувствовал, что тучи сгущаются над моей головой и что мне следует напрячь все свои силы для того, чтобы довести мой план до успешного осуществления.

Впрочем, были и люди, которые относились ко мне с симпатией, и я должен заметить, что среди них оказались и люди, от которых я этого вовсе не ожидал. Я имею в виду кассиров в Музыкальном банке. Поскольку я был частым гостем в Банке, я близко познакомился с некоторыми из них и они мне симпатизировали. Один из них, заметив, что моё физическое самочувствие ухудшается, предложил мне сменить обстановку и съездить с ним в другой город (в двух или трёх днях пути от столицы). В этом городе располагался основной кампус Университета Гипотетических Наук, и мой товарищ заверил меня, что мне будет интересно познакомиться с этим университетом и что мне будет оказан там радушный приём. Я решил согласиться на это предложение.

УНИВЕРСИТЕТ

Через несколько дней мы с моим приятелем отправились в этот университетский город. Была весна. Погода была солнечная, повсюду цвели сады, и я почувствовал себя посвежевшим, хотя, конечно, и не забыл совсем о своих проблемах. Последние пять миль дорога шла через живописные поля и рощи, и когда я впервые увидел этот город, он мне очень понравился. Я почувствовал душевный подъём и страстно благодарил моего товарища за то, что он привёз меня сюда. Мы остановились в гостинице, и, так как было ещё светло, мой приятель устроил мне экскурсию по окрестным колледжам. Они располагались в таких прекрасных зданиях, что мои впечатления от этой экскурсии сохранились у меня на всю оставшуюся жизнь. Я даже забыл на полчаса о своей возлюбленной!

После ужина мой приятель рассказал мне о здешней системе образования. Кое-что я об этом уже знал, но многое слышал впервые, а кое-что осталось для меня непонятным – видимо, потому, что у себя на родине я учился совсем в других условиях. Главное отличие их системы образования от нашей заключается в том особом внимании, которое они уделяют гипотетическим наукам. Они уверены, что, если давать учащимся знания о реальном мире, в котором им придётся жить и работать, то кругозор студентов будет очень узким, а их мировоззрение – поверхностным. Гипотетические же науки призваны были подготовить студентов ко всем самым невероятным неожиданностям, с которыми выпускники университета едва ли и встретятся в их дальнейшей жизни. С этой целью студентов много лет учат гипотетическому языку – языку, на котором некогда говорили люди, жившие во времена давно погибшей цивилизации. Многочисленные афоризмы и

произведения благородной мысли, которыми была богата эта исчезнувшая цивилизация, были включены в курс современной литературы и вновь и вновь переводились на современный нигдейский язык. Казалось бы, чтению этих произведений в оригинале можно было бы учить только студентов, которые проявляют особый интерес к гипотетическому языку. Но нигдейцы думали иначе. Они полагали, что культурный, образованный человек просто обязан в совершенстве освоить мёртвый гипотетический язык и, несмотря на наличие многочисленных переводов, должен потратить несколько лет на то, чтобы научиться самостоятельно переводить соответствующие тексты на современный язык. Мне совсем не хотелось бы показаться непочтительным, но всё это кажется мне пустой тратой времени – особенно, в условиях, когда современная жизнь полна больших и реальных проблем, требующих внимания со стороны умной и образованной молодёжи. Я ещё могу это понять, когда студенты добровольно избирают для себя занятия гипотетическими науками. Но в действительности, студенты были обязаны изучать эти науки, вне зависимости от личных интересов и склонностей. Всё, что говорилось в защиту такой системы образования, меня как-то не убедило.

А вот аргументы в пользу намеренного развития бессмысленных умений были гораздо более убедительными. Нигдейцы утверждают, что, если бы люди во всех своих поступках руководствовались только разумом, то жизнь стала бы невыносимой. Разум опасен. Он способен не только к отмене двойной бухгалтерии, он способен посеять сомнения даже в вещественности Надежды и Справедливости! Профессора гипотетических наук не согласны с тем, что они недооценивают разум. Они уверены, что двойная бухгалтерия не может быть решительно отменена именно потому, что она

устроена на разумных основаниях. Бессмыслица противоположна осмысленности, а одну противоположность нельзя устранить, не устранив тем самым и другую...

Нигдейцы никого не считают гением, потому что они уверены, что все люди в той или иной степени гении. Никто не может быть абсолютно здоров физически, но и у очень больного человека какие-то органы остаются здоровыми. То же относится и к душевному здоровью. А потому нет такого гения, который в чём-то не был бы дураком, и нет такого дурака, который в чём-то не был бы гением. В этом смысле представления нигдейцев не так уж резко отличаются от наших представлений: ведь и мы считаем идиотом только того, у кого есть своё собственное мнение по всем вопросам... За ужином, данным в мою честь, distinguished 80-летний профессор заявил, что "мы не должны помогать студентам думать самостоятельно – важно научить их думать так, как думаем мы (или, по крайней мере, – говорить то, что говорим мы)". Профессор этот считался, впрочем, радикальным мыслителем и занимал пост президента "Общества борьбы против бесполезных знаний".

Что касается экзаменов, которые молодые люди должны сдать, прежде чем получить диплом, то я не заметил никакой конкуренции между учащимися. Студенты должны написать экзаменационное сочинение по определённым вопросам (некоторые из которых известны им заранее). Цель экзамена – не столько проверить знания студента, сколько убедиться в том, что он умеет доводить до конца начатое дело.

Уже упомянутый мною профессор относился к своим обязанностям более ответственно, чем другие: например, он критиковал работу одного студента за недостаток неопределённости в высказываниях; а другой студент получил незачёт потому, что в работе из области естественных наук недостаточно часто употреблял слова "осторожно" и

"добросовестно"; один студент не получил диплома, потому что слишком часто оказывался прав в споре, а другой – получил неудовлетворительную оценку, потому что слишком доверял тому, что написано в учебнике.

Я имел неосторожность упомянуть в разговоре известное место из Гомера, где говорится о том, что человек должен стремиться к первенству, на что получил примерно такой ответ: "Не удивительно, что те страны, в которых подобное изречение считается мудрым, всегда готовы перегрызть друг другу глотку". "Почему? – вопрошал один профессор, – почему должен человек стремиться быть лучше, чем его ближние? Пусть он будет благодарен судьбе, если он не хуже, чем они". Я робко заметил, что не вижу, как можно достичь прогресса в любой науке или в искусстве без некоторого своекорыстия и, следовательно, некоторой неприветливости по отношению к окружающим. "Конечно же, это невозможно. – согласился профессор. – Именно поэтому мы выступаем против прогресса". Возразить было нечего. Однако позднее один молодой преподаватель отвёл меня в сторонку и сказал, что я, видимо, не совсем понял, что именно Нигдейцы думают о прогрессе. "Мы не против прогресса, – сказал он. – Но прогресс должен соотноситься со здравым смыслом". Он ещё добавил, что идти впереди своего времени так же безнравственно, как и отставать от него. Если человек может повести своих ближних за собой, то он может говорить что угодно. В противном случае, разве это не тяжкое оскорбление – сообщить человеку нечто такое, чего он не хотел знать? Человек должен помнить, что интеллектуальная неумеренность – это одна из самых недостойных форм всякого излишества. Эта мысль ему, кажется, понравилась, и я уже начал искать способ от него избавиться, но в это время ужин, к счастью, закончился.

Я думаю, что из моего рассказа читатели уже получили достаточное представление о взглядах нигдейцев, касающихся бессмысленности, гипотетических наук и вопросов образования в целом... Мне особенно трудно было согласиться с необходимостью переводов поэтических текстов с нигдейского языка на гипотетический. Один молодой человек признался мне, что в течение 14 лет его не учили ничему, кроме гипотетического языка, к которому (как он честно признался) у него не было ни малейшего интереса, в то время как у него были несомненные способности к освоению некоторых других областей знания. Он признался мне, что после получения диплома, он никогда в жизни не откроет книгу на гипотетическом языке, а займётся другими предметами, к которым он имеет искренний интерес. Оно, может быть, и ничего, но кто вернёт ему 14 лет его жизни?

Для меня всегда было загадкой, как это многие молодые люди вырастают добродетельными, несмотря на все попытки сделать их испорченными. Некоторые молодые люди действительно всю свою жизнь страдали от вреда, нанесённого им в детстве школой, но было и много других, кто не только не стал хуже, но даже стал лучше. Возможно, причина тому – свойственное молодости неуважение к плохим учителям. Ученики попусту теряли время на уроках, но в свободное время они занимались физкультурой, что было, по крайней мере, полезно для укрепления их физического здоровья. Тем, кто действительно стремился к знаниям, невозможно было помешать изучать те предметы, которые им нравились. Искусственные препятствия на этом пути не только не сдерживали их, но даже поощряли их настойчивость. Ну а для тех, кто не имел интереса ни к какой учёбе, пустая трата времени на уроках не была слишком уж большой неприятностью. Да и вообще, для любой страны в целом стремление задержать духовный рост молодёжи является, возможно, более разумной политикой, чем поощрение его.

Именно это, например, является причиной замечательного развития журналистики в Англии.

Но вернёмся к нигдейцам. На фоне почти полного отсутствия здравого смысла в их системе образования меня особенно удивляли проблески его в преподавании отдельных дисциплин. Например, в Школе искусств было два основных предмета: практика и коммерция. Студентам не разрешалось практиковаться ни в каком искусстве до тех пор, пока они не освоят коммерческие аспекты их специальности (ну, разве что, за редким исключением, когда занятия искусством не влияли отрицательным образом на изучение ими коммерческой истории). Например, студенты, которые обучались на отделении живописи, должны были знать, по какой цене были проданы все выдающиеся живописные произведения за последние 50 или 100 лет и как изменялась эта цена при повторной или любой другой последующей перепродаже. Нигдейцы считают, что художнику, начинающему картину, так же необходимо знать, какова её примерная рыночная стоимость, как и обладать необходимыми живописными навыками...

Что касается самого города, то он нравился мне всё больше и больше. Я не могу достойно описать всю прелесть замечательных университетских зданий, садов и бульваров... Заметно было, что архитектурное искусство в наименьшей степени пострадало от нигдейской системы образования.

Я познакомился со многими профессорами, которые оказали мне сердечное гостеприимство. Их общей отличительной чертой было то, что они ни в коем случае не позволяли себе "увлечься", а потому мне никак не удавалось узнать, что же они на самом деле думают по тому или иному вопросу, за исключением таких предметов, как погода, здоровое питание и поездки за город. Они всегда одинаково оценивали все произведения

литературы: "в том, что говорит автор, есть доля истины, однако в его книге есть многое, с чем нельзя согласиться". Что это было конкретно, с чем можно или нельзя было согласиться, – мне никогда не удавалось выяснить. Не иметь чёткого мнения ни по какому вопросу (или ни в коем случае не выражать его), очевидно, считалось признаком хорошего воспитания и образования: ведь любое мнение могло с течением времени оказаться ошибочным. Удивительно, что при такой уклончивости, они, тем не менее, однозначно выражали свою поддержку некоторым взглядам, с которыми они совершенно не были согласны. Впрочем, внимательно читая их статьи, я мог легко догадаться, что на самом деле они думают нечто совершенно противоположное тому, о чём они пишут. Таким образом, коль скоро это было всем понятно, то совершенно не важно было, говорят ли они "да", подразумевая "нет" или наоборот.

О МАШИНАХ

Во время поездки в этот город, название которого я не могу даже правильно выговорить, я узнал некоторые подробности о революции, которая закончилась уничтожением почти всех машин и механизмов, бывших до того времени в широком употреблении.

Меня познакомили с одним джентльменом, который отличался большой учёностью, но считался очень опасным человеком, потому что пытался ввести новую часть речи (наречие) в гипотетический язык. Он уже слышал о моих часах и очень хотел со мной встретиться. Этот джентльмен был большим специалистом по истории механики. Когда речь зашла об этом предмете, этот историк подарил мне книгу, с которой и началась уже упомянутая революция, случившаяся лет за 500 до моего прибытия в эту страну. В те далёкие времена люди были привычны к частым изменениям в общественной жизни, хотя именно эти изменения и вовлекли страну в многолетнюю гражданскую войну между сторонниками партии машинистов и партии анти-машинистов. В этой войне погибла половина населения. Победу в этой войне одержала партия анти-машинистов, которая с небывалой жестокостью уничтожила всех своих политических оппонентов. Удивительно, что хотя анти-машинисты и победили в этой войне, многие машины и механические приспособления были поначалу сохранены. Я думаю, это произошло потому, что профессора уклончивых наук выступили против доведения программы анти-машинистов до её логического конца. Эти профессора утверждали, что именно благодаря использованию новейших изобретений в военном деле анти-машинисты смогли победить в гражданской войне. Однако позднее победители с таким рвением уничтожали машины,

экспериментальные мастерские и книги об инженерном искусстве (а заодно и самих инженеров), что остаётся только удивляться тому, что некоторые современные студенты, внимательно изучив музейные образцы, смогли составить себе верное представление о том, как эти машины работали. Впрочем, лет через триста после революции, когда революционный пыл анти-машинистов остыл, разрешены были исторические исследования по этой тематике, хотя, конечно, никто, кроме нескольких сумасшедших, не мог и подумать о том, чтобы возродить запрещённые изобретения. Именно тогда начались тщательные археологические изыскания с целью обнаружить все, какие-только возможно, остатки былой машинной цивилизации. Тогда же стали появляться и бесчисленные трактаты, в которых объяснялось, как эти механизмы работали, но всё это, конечно, имело чисто исторический интерес (подобно тому, как мы, например, изучаем древние наконечники для стрел и т. п.), никому и в голову не могло прийти, что эти машины и механизмы когда-нибудь снова будут использоваться.

Вернувшись в столицу, в последние недели и дни моего пребывания в Нигдее я сделал краткий конспект книги, подаренной мне специалистом по истории механики. В этом конспекте, наверное, много ошибок – и потому, что я не знаю хорошо техническую терминологию, и потому, что в затруднительных случаях я заменял непередаваемые нигдейские слова их английскими эквивалентами, которые не всегда точно передают смысл оригинала. Тем не менее, я надеюсь, что, в общем, мне удалось передать содержание этой книги довольно точно. Ниже я предлагаю любознательному читателю перевод этого краткого конспекта.

Автор начинает таким образом:

"В доисторические времена, когда на нашей планете не было ни растений, ни животных, она, по мнению наших самых выдающихся философов, представляла собою раскалённый шар, поверхностный слой которого впоследствии постепенно остывал. Если бы в то время существовали мало знакомые с физической наукой люди, которые могли бы всё это наблюдать, то они никогда не согласились бы с тем, что живые существа хоть с какими-нибудь проблесками сознания могли возникнуть из этого безжизненного пепла. И тем не менее, с течением времени сознание возникло. Вероятно, для этого появились соответствующие условия, от которых к настоящему времени не осталось и следа... Мне не следует и пытаться определить то совершенно чуждое ему психическое состояние (или как там оно тогда называлось?), которое было свойственно древнему человеку, никак не умевшему объяснить, откуда оно взялось. Если поразмышлять о разнообразных фазах в постепенном развитии физической и духовной жизни и о теперешних результатах этого процесса, то легко прийти к ошибочному и поспешному выводу о том, что это развитие должно было остановиться на растительной или животной стадии. Ведь были времена, когда огонь, вода и камни считались конечным результатом всего сущего..."

Посвятив этим проблемам несколько страниц, автор задаётся вопросом, не осталось ли в настоящем каких-нибудь следов от прежнего состояния жизни, которые позволили ли бы нам хоть как-то предсказать нашу будущность, и нельзя ли обнаружить в нашей современности зачатки нашей будущей жизни. Продолжая свои рассуждения, автор отвечает на этот вопрос положительно и указывает при этом на высокоорганизованные машины.

"Невозможно противостоять, – пишет далее автор, – тому процессу, который в конечном итоге приведёт к возникновению сознания у высокоорганизованных машин.

Более того, в некоторых современных машинах уже заметны зачатки сознания. Вы только подумайте о тех огромных успехах в развитии, которых машины достигли всего за несколько сотен лет, и заметьте, как несопоставимо медленно развивается, по сравнению с ними, растительный и животный мир. Предположим, что обладающие сознанием существа достигли нынешнего этапа в развитии за 20 миллионов лет. Можно ли себе даже представить, каких результатов добьются машины в следующие 20 миллионов лет?! Так не лучше ли подавить это развитие в зародыше и остановить прогресс в их дальнейшей эволюции?

Кто будет возражать, что машины обладают зачатками сознания? Где оно, сознание, начинается? И где кончается? И кто сможет провести линию, чётко разграничивающую сознательное и бессознательное? Разве всё сущее на земле не переплетено между собой самым тесным образом? Разве эволюция машин не напоминает собою эволюцию в животном мире?"

Возвращаясь к сознанию и пытаясь определить его самое раннее проявление, автор продолжает:

"Существует растение, которое питается насекомыми: когда на его цветок садится, например, муха, лепестки цветка закрываются и муха переваривается внутри цветка, как в желудке. Интересно, что лепестки не закрываются, если на цветок попадает что-нибудь несъедобное (например, соринка и т. п.) – таким образом, даже не обладающее (как это принято считать) сознанием растение способно распознать то, что идёт ему на пользу. Так, можно ли считать его бессознательным? Можно ли сказать, что это растение не осознаёт, что оно делает, только потому, что у него нет глаз, ушей или мозга? Если признать, что растение делает это чисто механически, неосознанно, то не придётся ли

признать, что и человек убивает овец и употребляет их в пищу чисто механически?

Можно, конечно, сказать, что у растения нет самосознания, и что растение развивается против своей воли: при наличии подходящей почвы, при определённой температуре и влажности и т. д. растение не может не расти; можно сказать, что оно подобно часам, которые, будучи заведены, должны идти до тех пор, пока сохраняется напряжение в пружине; или что оно подобно неуправляемому парусному судну, плывущему туда, куда несёт его ветер. Но возьмите, например, физически здорового малыша – ведь при наличии пищи, одежды и пр. он тоже не может не расти... Так где же граница между сознательным и бессознательным?"

"Итак, – продолжает автор, – либо придётся признать, что некое действие, считавшееся до сих пор бессознательным, чисто механическим, связано с некоторыми элементами сознания (а в таком случае можно обнаружить элементы сознания и у высокоорганизованных машин); либо, отрицая сознательные элементы в эволюции овощей или, например, кристаллов, придётся признать, что человек своим происхождением обязан чему-то совершенно бессознательному. Если это так, то нет ничего невероятного в том, что и бессознательные машины могут со временем приобрести элементы сознания.

В настоящее время машины не обладают репродуктивными функциями. Но кто сказал, что так будет всегда? Кто сказал, что не настанет тот день, когда машины будут производиться машинами, без всякого участия человека? Сами машины при этом уменьшатся в размерах, что будет косвенно свидетельствовать о прогрессе в их развитии, подобно тому как в ходе эволюции уменьшились в размерах многие некогда крупные позвоночные животные... Пока что нам нечего опасаться, но, если принять во внимание,

насколько быстро развивается техника, то очевидным становится значительное отставание биологической эволюции от технической. Не следует ли нам, поэтому, удерживать техническое развитие под контролем? Не следует ли нам уничтожить самые сложные из существующих машин, хотя сегодня они и не представляют для нас непосредственной опасности?

Сегодня машины управляются человеком. Например, звуковой сигнал одной движущейся машины заставляет другие посторониться. Но в данном случае это происходит потому, что они управляются операторами, которые слышат предупредительные сигналы. А что случится, когда машины будут перемещаться в пространстве без помощи оператора? Не выработают ли такие машины свой особый язык, отличный от естественного человеческого языка, и не вступят ли они в прямое общение между собою, минуя человека?

Маловероятно, что придёт день, когда младенец сможет с такой же лёгкостью освоить дифференциальное исчисление, с какой он осваивает естественный язык, на котором говорят его мать и няня. Но машины развиваются гораздо быстрее, чем человек, и можно с уверенностью сказать, что настанет день, когда обычный человек не в силах будет угнаться за развитием техники. Оптимисты говорят, что нравственное влияние человека сможет удержать машины под контролем. Но сможем ли мы положиться на нравственные качества самих машин? ... А звуковой язык? Так ли уж он нужен машинам? Ведь, по словам одного писателя, именно своевременное молчание позволяет людям хоть в чём-то соглашаться друг с другом...

Но тут приходит в голову другой вопрос. Что есть человек, если не биологическая машина? Что есть, например, человеческий глаз, если не механическое оптическое

устройство, на которое он вынужден полностью полагаться в своих начальных представлениях, скажем, о луне, о солнце и о других планетах? И как устроен этот оптический аппарат? Не состоит ли он из мельчайших деталей, сегодня нам неизвестных? Или взять к примеру наши кровяные тельца, которые путешествуют по кровеносным сосудам подобно тому, как люди спуют по оживлённым городским магистралям? Если взглянуть на город с высоты, то можно уподобить городские улицы кровеносным сосудам, а центр города – сердцу, которое нуждается в питании, доставляемом по этим улицам. А нервная система? Разве не подобна она городской канализационной сети?"

Начиная с этого места, автор забирается в такие труднопереводимые дебри, что я вынужден просто пропустить несколько страниц... Затем он продолжает:

"Мне могут возразить, что, хотя машины не обладают даром речи и слухом, они, тем не менее, делают для людей нечто полезное; что именно человек управляет их действиями и что они непременно выйдут из употребления, если не будут делать то, что человек от них ожидает; что по отношению к человеку машины выполняют примерно ту же роль, что и рабочий скот; что паровоз – это просто более экономичная разновидность лошади; что своим существованием машины обязаны человеческим потребностям и что они никогда не разовьются в нечто большее, чем человек, и, будучи сущностями низшего порядка, навсегда останутся в подчинении у человека. На первый взгляд, всё это звучит правильно. Но есть немало примеров, когда слуги постепенно превращаются в господ, и мы уже сегодня пришли к тому, что, при отсутствии должного ухода за машинами, человек может от них ужасно пострадать.

Человек уже настолько сжился с машинами, что, если вдруг разом уничтожить все машины и все знания об их устройстве, и всё, что произведено с помощью машин, будь то

продукты питания, одежда, инструменты и прочее, оставив человека лишь с тем, что ему дано от рождения, то человечество вымрет через шесть недель. Возможно, что отдельные несчастные индивидуумы при этом всё же выживут, но через пару лет они превратятся в животных – таких же, как обезьяны, или и того хуже... Самая душа человеческая существует только благодаря машинам. Человек мыслит так, как он мыслит, он чувствует так, как он чувствует, только благодаря предметам машинного производства, и машины уже давно стали таким же условием его существования, каким он является для них. Всё это удерживает нас от предложения о полном уничтожении всех машин и механизмов. Но многие из них должны быть уничтожены, чтобы человек в конечном итоге не оказался под их тиранической властью.

Конечно, рассуждая с материалистической точки зрения, мы придём к выводу о том, что именно те люди процветают, которые умеют с выгодой для себя пользоваться машинами. На первый взгляд, именно так оно всё и происходит. До поры до времени машина остаётся слугой человека. Она не будет возражать, даже если человек её уничтожит. Но только при условии, что ей на смену придёт созданная им другая машина, которая будет гораздо лучше, чем предыдущая. Машины, таким образом, вознаграждают человека за его усилия по их усовершенствованию, но только затем, чтобы в конечном итоге стать его господами. Пренебрежение машинами, использование менее совершенных машин, нежелание прилагать усилия для их усовершенствования или для изобретения новых машин, уничтожение их без цели заменить их новыми машинами – всё это вызывает их ярость, а потому мы должны уничтожить их в зародыше. Уже сегодня наше восстание против их власти над нами приведёт нас к неисчислимым страданиям. Можно

себе только представить, что может случиться в будущем, когда их власть над нами многократно возрастет...

Эта власть возрастает по мере того, как человек отдаёт всё большее предпочтение своим материальным интересам в ущерб духовным. Низшие животные эволюционируют в жестокой борьбе друг с другом: слабейший – погибает, сильнейший – выживает и передаёт свою силу потомству. Машины не борются одна с другой. Они развиваются, заставляя людей бороться друг с другом. До тех пор, пока люди делают всё, что машины от них требуют, всё идёт нормально (по крайней мере, людям так кажется). Но как только человек прекращает свои усилия по совершенствованию машин, так он неизбежно проигрывает в конкурентной борьбе с теми, кто постоянно заменяет устаревшие машины более совершенными, и поражение в этой борьбе означает не только значительные материальные потери, но нередко и смерть.

Даже сегодня машины служат нам только при условии, что мы обслуживаем их в соответствии с их требованиями. Если мы этого не будем делать, то они сломаются и не будут больше работать, и могут при этом причинить немало вреда и нам, и другим машинам, с которыми они связаны. Миллионы людей сегодня привязаны к машинам, и многие из этих людей посвящают всю свою жизнь – от рождения до смерти – уходу за существующими машинами, или их усовершенствованию, или изобретению новых машин. Люди становятся всё в большей степени зависимыми от машин, и многие из людей вкладывают все свои силы в усовершенствование механического мира...

Учёные доказали, что теплота, выделяемая организмом животного в процессе жизнедеятельности, равна теплоте, выделяемой при сжигании всей пищи, потреблённой животным в течение жизни. Не знаю, как они это вычислили, но применительно к

машинам, потребляющим топливо, эта закономерность означает в будущем полное истощение топливных ресурсов.

Другое важное наблюдение учёных заключается в том, что, хотя человек в целом — это существо высшего порядка по отношению к животным, в отдельных областях животные превосходят человека по своим способностям: рыба плавает лучше, чем человек; собаки способны к самопожертвованию, до которого многим людям далеко; а муравьи и пчёлы отличаются более разумной общественной организацией, чем многие человеческие сообщества...

Некоторые из моих собеседников, с которыми я обсуждал все эти вопросы применительно к будущей машинной цивилизации, говорили, что эволюция в мире машин никогда не достигнет результатов, аналогичных тем, которые получаются при эволюции животных организмов, потому что машины лишены репродуктивных функций. Если это понимать в том смысле, что машины никогда не будут вступать в брак, производить потомство и с нежной улыбкой наблюдать за детскими играми своих малышей, то с этим, пожалуй, можно согласиться. Однако можно возразить, что существуют разные репродуктивные системы, и размножение животных, например, значительно отличается от размножения растений. Если мы достигнем той стадии в промышленном развитии, когда машины будут производиться с помощью машин, то разве это нельзя будет назвать репродуктивной системой? Присутствие в этой системе человека можно будет сравнить с присутствием насекомых в репродуктивной системе растений. Никто ведь не будет утверждать, что клевер не имеет репродуктивной системы, только на том основании, что оплодотворение в ней невозможно без помощи шмеля. Такая репродуктивная система у клевера есть, и шмель — это лишь составная часть её... "Но ведь машины, не могут

производиться такими же машинами, как они сами, – возразят нам. – Машина, производящая напёрстки, например, совсем не похожа на напёрсток". Однако и в живой природе ни одна особь не производит свою точную копию. В лучшем случае, производятся потомки, которые могут в конечном итоге стать (а могут и не стать) в чём-то похожими на своих родителей.

Не все живые существа в природе участвуют в репродукции. Большинство пчёл или муравьёв, например, выполняют свою функцию – запасают продукты питания для потомков, никак не участвуя в производстве этих потомков. Аналогичным образом, и в будущем машинном мире какие-то машины будут способными к репродукции, а остальные – будут выполнять другие функции.

Не вызывают ли все эти аналогии некоторое беспокойство о будущем человечества? И не лучше ли будет, если мы уничтожим грядущую опасность, пока это возможно? Уже сегодня есть машины, способные к производству других машин, пусть и не похожих на "родителей" по внешнему виду. В будущем их будет гораздо больше. Возможно, появятся разные классы машин, отличающихся друг от друга степенью сложности, и для производства высокоорганизованного машинного "потомства" могут понадобиться не две, а несколько других машин.

Мы ошибочно представляем себе сложную машину как нечто целое, тогда как в действительности её можно уподобить городу или обществу, в котором разные граждане выполняют разные функции. Но мы часто индивидуализируем машину, и даже даём ей имя, только усиливая такое восприятие. А между тем, даже обычная паровая машина – это довольно сложная система, которая состоит из множества деталей, и каждая из них нужна для успешной работы целого. И если даже эта сравнительно простая машина кажется нам

сложной, то можно ли даже представить себе, в какую действительно сложную и высокоорганизованную систему превратится машинный мир через двадцать тысяч или через сто тысяч лет?! Но сегодня люди уверены, что они на правильном пути, и продолжают изобретать и совершенствовать всё новые и новые машины, затрачивая на это огромное количество труда и времени. Уже сегодня люди достигли того, что совсем недавно казалось совершенно неосуществимым, и многим начинает казаться, что никаких пределов развитию в этом направлении просто нет. Люди редко задумываются о том, что человеческое тело в его настоящем состоянии – это результат постепенного развития в течение миллионов лет, в то время как машины развиваются гораздо быстрее... Именно это вызывает наибольшую тревогу, и я прошу меня извинить за постоянное напоминание об этом".

Далее следуют очень длинные и труднопереводимые рассуждения о различных типах, классах и подклассах существующих машин. Автор даже пытается обосновать новую теорию, обращая внимание на аналогичные явления в развитии машин разных классов, что, по мнению автора, свидетельствует об их происхождении от одних и тех же "предков". Автору удалось обнаружить эволюционные связи среди машин, между которыми нет почти ничего общего, и он уверен, что в прошлом таких связей было больше, но к настоящему времени они исчезли. Он указывает на наличие в некоторых машинах рудиментарных деталей, которые сегодня не выполняют никаких полезных функций, но свидетельствуют о наличии в прошлом машин, в которых эти детали выполняли полезную работу...

Я прекратил мои занятия по переводу этого трактата (который во много раз длиннее, чем мой конспект) в надежде вернуться к нему позже. Однако я вынужден был

поспешно оставить Нигдею. То, что я успел перевести, у меня сохранилось, но оригиналом мне, к сожалению, пришлось пожертвовать. Я с кровью отрывал его от сердца, но это дало мне и моей возлюбленной нужные нам десять минут, которые спасли нам жизнь...

Вспоминается один случай, связанный с этой книгой. Джентльмен, который дал мне её, заинтересовался моей курительной трубкой. Он внимательно осмотрел её, и когда обнаружил небольшой ободок в её закругляющейся части, то пришёл в совершеннейший восторг. "Это, должно быть, рудиментарный элемент!" – воскликнул он. В ответ на мой вопрос он сказал, что этот ободок имеет такую же форму, как и ободок в нижней части чашечки. Функция этого ободка заключалась в том, чтобы предохранить поверхность стола от загрязнения пеплом, когда курильщик кладёт трубку на стол. Если заглянуть в историю производства курительных трубок, то мы увидим, что первоначально этот ободок имел совсем другую форму, связанную с тем, что в прошлом курительные трубки не держали в руках, а устанавливали на столе, и этот ободок выполнял полезную функцию, удерживая трубку в равновесии. Теперь во время курения трубку держат в руках или в зубах, и этот ободок, несколько изменив форму, приобрёл чисто декоративную функцию. Мой собеседник даже высказал предположение, что в процессе дальнейшей эволюции в одних случаях (подчёркивая его орнаментальную функцию) этот ободок будут делать в виде декоративного листика или даже бабочки, а в остальных случаях – он просто перестанет быть элементом конструкции... Когда я вернулся в Англию, я убедился в правильности его предсказаний...

Вернёмся, однако, к моему переводу.

"Представим себе, что могли чувствовать в очень отдалённом от нас геологическом периоде высокоорганизованные растения, наблюдая за эволюцией ранних животных. Могли ли они подумать, что придёт день, когда животные не только достигнут того же уровня развития, но и станут более высокоорганизованными организмами, чем растения?.. Аналогичным образом и мы, наблюдая за развитием машинного мира, считаем человека венцом эволюции и не допускаем появления в будущем более совершенных машин, которые превзойдут человека во всех отношениях и создадут машинную цивилизацию, совершенно отличную от нашей...

"Отчасти согласен, – скажет критик, – но надо учитывать, что машина, обладая физической силой, не обладает свободой воли". "Лиха беда начало!" – ответим мы ему. При внимательном рассмотрении этого вопроса, вполне возможно считать современные машины зачатками новой, не известной нам прежде формы жизни. Да и кто в этом мире в действительности обладает полной свободой воли, за исключением Того, кто неведом и непознаваем? Человек – это результат наивысшего развития всех данных ему сил, заложенных в него до его рождения и развиваемых после. Его физическое развитие зависит от его природных способностей, а духовное – от общества, в котором он живёт. Переплетаясь и взаимодействуя друг с другом, эти факторы определяют его индивидуальность. И в принципе, он мало отличается от машины, которая создаётся с определённой целью и развивается в зависимости от её функций. Нам трудно с этим согласиться только потому, что мы не знаем всех природных и общественных сил, под воздействием которых формируется человеческая личность. Мы делаем наши обобщения, основываясь на том, что нам известно, а это – всего лишь малая часть необходимого знания. Ну а то, что мы не можем объяснить, мы приписываем случайности, удаче и

судьбе, скрывая за этими словами то, что нам не известно, и отрицая, по сути дела, тот факт, что развитие человека подчинено определённым законам, в то время как самый дерзкий полёт фантазии человека и самые проникновенные усилия его ума зависят от таких же объективных законов, как и полёт высохшего листа, сорванного с дерева налетевшим ветром...

Будущее зависит от настоящего. А настоящее – это результат многочисленных компромиссов между прошлым и будущим. Жизнь человека полна этих компромиссов, и живёт он только с молчаливого согласия прошлого и будущего. Единственная причина, по которой мы не видим будущее с той же отчётливостью, что и прошлое, заключается в том, что мы слишком мало знаем о прошлом, да и о настоящем тоже. Чем лучше мы познаем прошлое и настоящее, тем легче мы сможем предсказать будущее. Всё, что для этого требуется, – проанализировать последствия прошлых событий, которые привели к событиям сегодняшним. И тогда будущие события откроются человеку во всех деталях. Способность к такому предсказанию – это огромное благо, это фундамент, на котором покоятся и мораль, и наука. Уверенность в том, что ничто в будущем не случайно, ничто в будущем не может быть изменено без определённых изменений в настоящем, – это основа для всех наших планов, основа веры, от которой зависят все наши сознательные действия. В противном случае у нас не было бы никакой перспективы, никакой уверенности в том, что наши действия приведут к тем же будущим результатам, к каковым такие действия приводили в прошлом. Кто стал бы пахать и сеять без уверенности в будущем урожае? Кто стал бы заливать водой горящие здания без уверенности в том, что огонь таким образом будет потушен? Люди только тогда делают всё, на что они способны, когда они уверены в том, что, в противном случае, будущее обратится против них. Именно те люди,

которые в наибольшей степени уверены, что от их сегодняшних действий зависит их будущее, и прилагают наибольшие усилия для улучшения настоящего. Будущее кажется лотереей только тем, кто полагает, что одни и те же действия в одних случаях дают один результат, а в других – другой. Если они искренне в это верят, то они будут только философствовать вместо того, чтобы работать, в то время как другие – будут действовать во имя своих убеждений...

Замечали ли вы, что, чем старше мы становимся, тем более удачные прогнозы мы делаем относительно будущего того или иного человека? Объяснение тут может быть только одно: поведение человека подчиняется определённым законам, которые мы постигаем благодаря жизненному опыту...

На первый взгляд, всё сказанное не имеет явного отношения к машинам. Но об этом – позже. А пока что мне следует возразить тем из моих друзей, которые полагают, что с уверенностью говорить о будущем можно только применительно к неживой природе, но не человеку, и что будущее человека во многих случаях предсказать невозможно. "Можно не сомневаться, – говорят они, – что если поднести огонь к сухим древесным стружкам, то, при достаточном наличии кислорода, стружки загорятся. Но не всякий трус при встрече с опасностью пустится в бегство. Вот если взять двух совершенно одинаковых людей, оказавшихся в совершенно одинаковых обстоятельствах, тогда да, оба они поведут себя совершенно одинаково даже если между этими событиями лежат годы. Но поскольку совершенно одинаковых людей не бывает и быть не может, постольку будущее конкретного человека невозможно предсказать с той же определённойностью, с какой можно предвидеть результаты химических реакций... Если всё это верно, то предсказуемость действий, совершаемых машинами, является косвенным доказательством

их безжизненности и неспособности стать зародышем новой цивилизации"... Но если мы сравним действия машины, управляемой оператором, и действия оператора, управляемого его начальством, то мы найдём между этими действиями много общего... В действительности, машины в той же степени формируют человека, в какой человек совершенствует машины.

Придёт день, когда будут созданы машины, по своим возможностям во многом превосходящие человека, подобно тому, как человек во многом превосходит животных. Человек станет таким машинам не нужен. Вот в этом-то и заключается опасность. Многим людям трудно согласиться с такой унижительной для них перспективой. И потому они надеются, что в будущем человек станет для машины тем же, чем в настоящем является для человека лошадь или собака, и что под мудрым руководством машин люди будут жить даже лучше, чем сегодня. Ведь мы обращаемся с нашими домашними животными ласково и обеспечиваем их всем необходимым. А потому – многие надеются, что и наши будущие хозяева будут обходиться с нами подобным образом, Да, они будут обращаться с нами строго, но не сожрут же они нас в конце концов! Тем более, что и их существование будет от нас в какой-то степени зависеть: мы будем помогать им в деле усовершенствования (образования), ремонта (медицины), мы будем добывать для них пропитание (топливо), мы будем утилизировать вышедшие из строя машины или возрождать их в новом качестве. Конечно, будет в этом положении что-то от рабства, но ведь и рабы, довольные своими хозяевами, бывают вполне довольны своим положением. Найдутся, конечно, отчаянные головы, которые, пожалев, что они не были рождены машинами, начнут бороться за равные с машинами права. Но революция в этом деле случится так не скоро, что не стоит об этом и говорить. А большинство людей согласятся

на любые изменения, которые принесут им дешёвую еду и одежду, и не будут завидовать тем, кому судьба обеспечила лучший удел, нежели их собственный.

Сила привычки настолько огромна, а трансформация будет происходить так постепенно, что люди не будут шокированы резким изменением их положения. Мы перейдём в рабское состояние гладко, почти незаметно, без всякой открытой борьбы между людьми и машинами. Борьба машин с машинами будет, конечно, безостановочной, и в этой борьбе люди могут им пригодиться. До тех пор пока они будут для машин полезными, людям не имеет смысла волноваться за их будущее счастье: ведь в материальном отношении они будут жить намного лучше, чем сегодня. А в таком случае, имеет ли какой-нибудь смысл завидовать положению наших благодетелей? И не будет ли это величайшей глупостью, если мы откажемся от несомненных преимуществ обеспеченной жизни только потому, что у кого-то этих преимуществ больше, чем у нас?

С теми, кто так рассуждает, я категорически не согласен. Я цепенею от ужаса при одной только мысли, что род человеческий будет в результате эволюции превзойдён, точно так же, как и при той мысли, что мои отдалённые предки не были человеческими существами. Чтобы согласиться с тем, что десять тысяч лет тому назад кто-то из моих предков не был таким же человеком, как я, я должен потерять всякое уважение к себе и всякий интерес к жизни. Я испытываю те же чувства по отношению к моим отдалённым потомкам и я верю, что в этой стране у меня так много единомышленников, что правительство немедленно сделает всё необходимое, чтобы остановить развитие машинной цивилизации и уничтожить следы любого прогресса в этой области, имевшего место за последние триста лет. О большем я не прошу, с оставшимися машинами мы как-нибудь справимся. И хотя я бы предпочёл, чтобы уничтожение касалось всех машин,

созданных в последние пятьсот лет, я понимаю необходимость компромиссов и вынужден в значительной степени пожертвовать своими убеждениями, согласившись на триста.

Меньше, чем триста, – будет совершенно не достаточно".

В печати появилась только одна серьёзная публикация, ставящая под сомнение выводы, сделанные в этой книге. Автор этой статьи утверждал, что машины – это составная часть биологической структуры человека, нечто вроде протезов, употребляемых при отсутствии необходимых конечностей. Взгляните, например, на человека, который копает землю лопатой. Благодаря лопате, его правая рука удлиняется, а кисть его руки служит суставом. Поперечный упор подобен окончанию плечевой кости, черенок лопаты – дополнительная кость, а металлическая штыковая часть выполняет роль искусственной руки, с помощью которой землекоп разрывает землю гораздо лучше, чем он мог бы это сделать своей естественной рукой. Общественные учреждения, образование, культура... Величественное здание нашей цивилизации было возведено именно благодаря машинам и механизмам, позволившим нам далеко опередить низших животных в эволюционном процессе. Общественный прогресс неразрывно связан с прогрессом в области механики, эти два процесса питают друг друга с той минуты, когда древний человек случайно взял в руки палку, положив тем самым начало развитию цивилизации...

В то же время автор статьи видит опасность механического прогресса в том, что, благодаря машинам, людей с отклонениями в физическом развитии будет труднее обнаружить, они смогут на равных конкурировать со здоровыми людьми и даже смогут передавать свои физические недостатки потомству. Ослабление естественной конкуренции, по мнению автора, будет способствовать выживанию неполноценных особей и биологической деградации человеческого рода. А в конечном итоге машины и

механизмы могут и вовсе сделать человеческое тело ненужным, превратив человека в одушевлённую машину. Например, уже сегодня человек защищает свою кожу от воздействия дождя с помощью зонта, тем самым лишая кожу защитной функции; уже сегодня человек полагается на свою записную книжку больше, чем на свою память; в дополнение к искусственным зубам и волосам, скоро появятся и другие искусственные части тела, которые лишат естественные органы их функций и сделают их ненужными. Во что же тогда превратится человек, если не в одушевлённую машину? Разумеется, все эти искусственные органы будут стоить дорого. И в этом кроется ещё одна опасность: в дополнение к своим прочим преимуществам богатые люди смогут позволить себе более совершенные органы зрения и слуха и намного опередят бедных людей в развитии своего интеллекта, закрепив таким образом подчинённое положение бедноты и резко ограничив возможности бедняка подняться вверх по социальной лестнице и приобрести ту духовную свободу, которой пользуются состоятельные люди...

Далее автор пространно рассуждает на тему о том, как изобретения влияют на распределение материальных благ и как связаны между собою интеллектуальное и нравственное развитие человека...

После долгих обсуждений, многочисленных поправок и предложений сохранить хотя бы некоторые механизмы (предложений, не всегда успешных; например, существование отжимного катка для белья было после длительной и жаркой дискуссии признано опасным) все политические партии согласились принять закон об уничтожении всех машин и изобретений, появившихся за последние 270 лет. Попытки применить этот закон на практике привели к кровопролитной гражданской войне и почти полному разрушению государства, но об этом – позже.

О ПРАВАХ ЖИВОТНЫХ

Здравый смысл, если приставить ему нож к горлу, склонен оказывать неожиданное сопротивление идеологическим доктринам, которым он, казалось бы, был совершенно подчинён...

Здесь я, основываясь на самых авторитетных источниках, вкратце расскажу о нескольких нигдейских революциях.

Около двух с половиной тысяч лет тому назад нигдейцы ещё не знали цивилизации и добывали себе пропитание охотой, рыболовством, примитивным сельским хозяйством и набегами на соседние земли, которые тогда ещё не были полностью завоёваны. У них не было школ и философских систем, а в своём мировоззрении они полагались на здравый смысл, на то, что они видели своими глазами, и на мнение соседей. Их общественная жизнь была мало развита, а преступления и болезни существовали, по их мнению, только в зарубежных странах. Но по мере того, как постепенно развивалась цивилизация и повышалось их материальное благосостояние, нигдейцы начали задаваться всякими вопросами. Один пожилой джентльмен, благодаря его уму, праведной жизни и, предположительно, вдохновению какой-то невидимой силы, имел на них особенное влияние и пользовался у них особым уважением. Этот джентльмен был обеспокоен вопросом о правах животных – вопросом, который поначалу никого, кроме него, не беспокоил.

Все пророки выражаются неопределённо, но этот джентльмен выражался особенно туманно. Будучи на общественном содержании, он имел достаточно свободного времени, и, не ограничиваясь вопросом о правах животных, он стремился также ввести в

употребление разумные законы, рассуждал об основах добра и зла, о логическом мышлении и о прочих вещах, о которых у тех, кто его поил и кормил, не было ни малейшего представления. Этот философ пришёл к выводу, что все стародавние обычаи его соплеменников были неправильными, а если кто-нибудь высказывал по этому поводу сомнения, то философ взывал к невидимому Существо, с которым только он один умел вступать в общение, и это невидимое Существо всякий раз убеждало его в том, что он был прав в каждом споре. В том, что касается прав животных, учение этого философа сводилось к следующему:

"Все вы знаете, – говорил он, – что убивать друг друга нехорошо. В далёкие времена ваши предки не только без зазрения совести убивали своих соплеменников, но даже употребляли их в пищу. Сегодня мы не можем вернуться к этому отвратительному обычаю. Каждый знает, что наше материальное благосостояние возросло после того, как мы от этого обычая отказались. Отсюда можно сделать вывод о том, что мы не должны убивать и употреблять в пищу своих собратьев. Я спросил совета у Высшего Судии, коего вдохновение, как вам известно, на меня снизошло, и Высший Судия подтвердил, что мой вывод является неоспоримым. Овцы, коровы, дикие олени, птицы и рыбы – это тоже наши собратья. В этом нет никаких сомнений. Они во многом отличаются от нас, но отличия эти – второстепенные, а вот то, что нас с ними объединяет, – существенно. Итак, друзья, если убивать и употреблять в пищу ваших соплеменников – это зло, то таким же злом будет употребление в пищу мяса, рыбы и дичи. Птицы, звери и рыбы имеют такое же право на жизнь и неприкосновенность, какое имеют люди со стороны своих соплеменников. Позвольте мне ещё раз заверить вас, что эти слова принадлежат не мне, но Высшему Существо, которое вдохновляет меня".

"Согласен, – продолжал философ, – что многие животные пожирают друг друга, а некоторые даже нападают на человека. В настоящее время нам только ещё предстоит выяснить, как нам себя вести по отношению к таким животным. Мне кажется, что мы должны уделять больше внимания их просвещению и умственному развитию. Ибо убить тигра, который нападает на людей, – это значит снизойти до уровня этого тигра, что недопустимо для людей, которые руководствуются высокими принципами в своих мыслях и в своих действиях. Верховный Судия, который открылся только мне одному, просил меня убедить вас, чтобы вы отказались от варварских обычаев ваших предков. Если вы уверены, что вы лучше образованны, чем ваши предки, то вам следует и действовать лучше. Верховный Судия повелевает вам воздерживаться от убийства и употребления в пищу живых существ. Вам следует есть мясо только тех животных, птиц и рыб, которые умерли естественной смертью, или были рождены прежде срока, или были рождены с такими физическими недостатками, что было бы милостью освободить их от страданий. Вам позволительно также есть мясо животных, совершивших самоубийство. Что касается овощей, то вы можете употреблять в пищу те овощи, которые не принесут вреда вашему здоровью.

Эти рассуждения пророка казались такими мудрыми, а наказания, которые он сулил за непослушание, – такими страшными, что в конце концов почти все образованные люди согласились с ним, а в след за ними – и все остальные.

Однако, прошло не так много времени после его смерти – и один из его самых верных последователей решил улучшить учение пророка. Прежний пророк допускал употребление в пищу молока и куриных яиц, но его последователи решили, что съесть сырое яйцо – значит погубить неродившегося цыплёнка, а это всё равно, что убить живого

цыплёнка. Употребление тухлых яиц было всё же разрешено – при условии, что процесс гниения зашёл достаточно далеко (такие яйца отправлялись в продажу со специального разрешения инспектора), но и в этом случае яйца использовались только для приготовления лекарств и пудингов. Употребление в пищу молока было запрещено на том основании, что насильственное лишение коровы этого жизненно важного для неё вещества могло угрожать её жизни и здоровью.

Разумеется, не всем нравились эти новые правила... Было замечено, что многие животные умирали естественной смертью при загадочных обстоятельствах. Случаи самоубийства среди животных тоже почему-то участились. Некоторые животные с разбегу напарывались на нож мясника, если ему не удавалось вовремя увернуться. Случаи нападения собак на кроликов, молочных поросят, ягнят и кур тоже почему-то участились (смерть животных, погибших от собачьих зубов, считалась естественной смертью, потому что таково уж собачье естество – чтобы употреблять других животных в пищу, а фермеры почему-то разводили именно тех животных, которые собакам особенно нравились).

Никто не сомневался, что во всех случаях гибели мелких животных люди были не виноваты. Гораздо сложнее было разобраться со случаями самоубийства коров, свиней и овец. По таким делам власти вынуждены были время от времени выносить обвинительные приговоры, тогда как в случае гибели животных от собачьих клыков доказать вину владельца собаки было практически невозможно.

Новую волну неповиновения этому закону вызвало решение одного судьи, которое привело в ярость стойких последователей нового пророка. Этот судья заявил, что закон позволяет убивать животных в целях самообороны и что поведение человека, обороняющегося от нападения животных, настолько естественно, что смерть животных в

таких случаях должна быть признана естественной смертью. Особую обеспокоенность высказывали высокопоставленные вегетарианцы, которые заметили, что прежде безвредные животные почему-то начали всё чаще нападать на людей, вынужденных их умерщвлять. На рынках стали появляться тушки животных, которые были одобрены для продажи инспектором на том основании, что эти телята и козлята были умерщвлены в целях самообороны. В одобренной инспектором продаже появились также тушки мертворождённых ягнят, хотя, по всем признакам, этим ягнятам было несколько месяцев от роду.

Что касается животных, действительно умерших естественной смертью, то их обычно пожирали другие животные, а люди в таких случаях были вынуждены либо нарушать закон, чтобы избежать отравления, либо становиться вегетарианцами. Вегетарианство настолько противоречило вкусам нигдейцев, что все эти законы скоро перестали применяться на практике и, наверное, были бы официально отменены, если бы не эпидемия чумы, которую пророки и священнослужители объясняли нечестивостью людей, употребляющих в пищу запрещённое законом мясо. В результате этой эпидемии были приняты ещё более строгие законы, вообще запрещающие потребление мяса и мясных продуктов. На рынках было разрешено продавать только крупы, овощи и фрукты. Эти законы были приняты уже через двести лет после смерти первого пророка, который впервые смутил рассудок нигдейцев своими рассуждениями о правах животных. Впрочем, и эти, более строгие законы так же плохо выполнялись, как и предыдущие.

Печальные последствия, вызванные всеми этими законами, заключались не столько в том, что люди становились вегетарианцами – в некоторых странах всё население сплошь вегетарианцы, а люди живут не хуже, чем в Италии или в Испании, где даже бедняки

изредка могут себе позволить мясное блюдо. Печальные последствия заключались в том губительном влиянии, которое эти запретительные законы оказывали на совесть даже самых законопослушных людей. Пробуждённая в людях совесть нередко побуждает их к поспешным действиям, о которых они потом сожалеют. А совесть, пробуждённая у народа уважаемым старым пророком, повела этот народ прямой дорогой в ад...

Молодых людей убеждали в греховности того, что их предки безнаказанно делали веками. Убеждали их в этом скучные профессора, которые не пользовались авторитетом среди молодёжи. Как бы ни старались эти профессора оградить молодёжь от вредного влияния извне, молодым людям больше были по душе обычные люди, а не пророки, которые проповедовали воздержание. Молодёжь тайком посмеивалась над внушаемой им доктриной, хотя, конечно, мало кто решался делать это открыто. Не удивительно поэтому, что, чем больше власти старались убедить молодых людей следовать принципам не-трогай, не-пробуй, не-делай, тем чаще эти принципы подвергались сомнению. Мне рассказывали печальную историю о юноше, у которого, к несчастью, совести было больше, чем ума. Этому молодому человеку врач (но не прокурор) порекомендовал есть мясо, не обращая внимания на закон. Юноша поначалу отказывался последовать такому нечестивому совету, но, заметив, что день ото дня его здоровье ухудшается, он однажды ночью купил себе на чёрном рынке фунт мяса. Молодой человек дождался, пока все домашние ушли спать, приготовил себе отличный бифштекс и съел его. И хотя, из-за стыда и угрызений совести, он не слишком хорошо спал той ночью, наутро он проснулся в прекрасном самочувствии. Эта история повторялась снова и снова, и, несмотря на его умеренность, он стал в конце концов закоренелым преступником. Его здоровье заметно улучшилось, но, хотя он был уверен, что это произошло именно благодаря бифштексам,

его по-прежнему мучила совесть. "Глупо идти против природы и здравого смысла, благодаря которому наши предки были гораздо здоровее нас", – говорил ему один внутренний голос. "Уступая удовольствию, ты предаёшь требования долга и встаёшь на гибельный для твоей души путь, который привёл к несчастью многих твоих предков", – говорил ему другой внутренний голос. В конце концов юноша мог уже не только слышать эти голоса, но и видеть лица тех, кому они принадлежали. Здравый смысл выглядел спокойным, безмятежным, искренним и свободным от страха – не доверять ему было просто невозможно. Но всякий раз, когда юноша с ним соглашался, он видел перед собою суровое и мрачное, хотя и не злое, лицо Долга, который отворачивался от него, не обещая ему никакой жалости. Юноша старался брать пример со своих лучших товарищей. "Вот они-то, – думал он, – никогда не едят бифштексы. Никогда!" Но иногда и они тайно ели бифштексы или, на худой конец, – котлеты из баранины и, мучаясь совестью, они обращали свои взоры на нашего молодого человека, говоря себе: ""Вот уж он-то никогда не ест котлеты из баранины. Никогда!" Но однажды, власти выследили его и задержали его с поличным после того, как он купил на чёрном рынке плечико барашка. Его не посадили в тюрьму, но репутация его рухнула, все его надежды на достойное будущее рухнули, и, придя домой, он покончил жизнь самоубийством...

О ПРАВАХ РАСТЕНИЙ

Теперь я оставлю эту печальную историю и обращусь к другим событиям.

Несмотря на законы, предусматривающие более суровое наказание для тех, кто тайно употребляет в пищу мясо, люди быстро нашли способы обойти эти законы. Всем было ясно, что устаревшие законы, которые не выполняются, должны быть отменены. Но всякий раз, когда нигдейцы собирались их отменить, какое-нибудь стихийное бедствие способствовало возрождению фанатизма, и людей тысячами бросали в тюрьмы за незаконную продажу или покупку мясных продуктов.

Через шестьсот или семьсот лет после смерти первого пророка в Нигдее объявился некий философ, который не утверждал, что он получил откровение свыше, но излагал своё учение так, как будто он был действительно вдохновлён высшим Существом. Многие люди, однако, сомневались в том, что философ этот сам верит в то, что он проповедует.

Убедить народ, чтобы он следовал закону, который считается греховным, почти невозможно. Этот философ понимал, что убедить народ в безгреховности забоя овец и употребления баранины в пищу – дело безнадежное, если, конечно, речь не идёт о жизни и смерти. Именно поэтому он выступил с ещё более невероятными предложениями. Начав с признания заслуг предыдущего пророка и его учения о правах животных, наш философ признал, что это учение способствовало улучшению народной нравственности и распространению убеждения в священной неприкосновенности всякой жизни. Опираясь на новейшие научные достижения (в музее мне показывали его микроскоп) и желая поддержать в народе строгое следование высоким нравственным принципам, этот философ заявил, что, коль скоро растения состоят из живых клеток, пришло время

задуматься о правах растений и, в частности, – в корне изменить отношение людей к овощам.

Упомянутый философ был самым авторитетным профессором ботаники в Нигдее и (с помощью упомянутого микроскопа или ещё как-то) он пришёл к убеждению в том, что растения и животные имеют общее происхождение и что растения являются такими же живыми существами, как и животные, а потому деление живой природы на животный и растительный мир неправомерно. Одна и та же клетка. – говорил он, – в ходе эволюции может развиваться в виноградную лозу, дуб или розу, а может (при благоприятных условиях) превратиться в мышь, слона или человека. Учёный доказывал, что законы эволюции и борьбы за жизнь в равной степени применимы и к животным, и к растениям. Растения, по его мысли, борются за жизнь так же, как и животные, а потому можно утверждать, что растения – это не просто живые существа, но живые существа с зачатками разумности, хотя, конечно, между нами нет полного взаимопонимания. Мы не знаем в деталях, как семя превращается в прекрасный благоухающий цветок. Природа творит то, что ни один химик пока что не может воспроизвести...

Разумеется, – продолжал учёный, – растениям нет никакого дела до людей и до их науки. Прекрасному цветку нет дела до того, что пятью семь будет тридцать пять, а могучему дереву нет дела до цены акций на бирже. Поэтому мы объявляем их неразумными. Но они не разумны только в том, что касается человеческих дел. В том, что касается их собственной пользы, они ведут себя, как разумные существа. Давайте понаблюдаем, что растения делают для обороны от врагов. Они колют, режут, жалют, испускают отвратительный запах, вырабатывают смертельный яд, меняют форму и цвет, прячутся в труднодоступных местах и пр. – то есть делают всё, что делают люди и

животные для обороны от неприятеля. Какие ещё доказательства разумности вам нужны? Некоторые критики говорят, что розы растут на розовом кусте против своей воли. Так зачем же тогда они на нём растут? А человеческий зародыш? Можно ли доказать, что он возникает и развивается по собственной воле?

Неразумные существа развиваются инстинктивно, – настаивают критики. Розовый куст механически повторяет те же действия, которые бесчисленное множество раз повторяли его бесчисленные предки. Но позвольте спросить: а каким же образом этот куст помнит то, что делали его далёкие предки? А если не помнит, то почему повторяет их действия? Остаётся только допустить, что растения обладают исторической памятью. А в таком случае можно ли называть их неразумными? Попробуйте-ка сделать то, что делали ваши предки, если вы не знаете или не помните, как они это делали! Так, каким же образом "неразумные" существа (будь то семена растений или человеческие эмбрионы) научаются отличать полезное от вредного? Каким образом они научаются извлекать из окружающей их природы вещества, полезные для их развития и отвергать вредные?

С помощью этих и многих других аргументов наш профессор убедил публику в том, что между растениями и животными нет принципиальной разницы. А отсюда следовал вывод: если грешно употреблять в пищу мясо убитых животных, то не меньший грех – лишать жизни растения или употреблять в пищу семена, из которых могли бы развиваться живые существа. Растения, погибшие в силу естественных причин (например, упавшие с дерева и гниющие на земле фрукты или пожелтевшие от заморозков листья капусты), разрешается употреблять в пищу. Только мёртвые растения и можно есть со спокойной совестью, – утверждал профессор. Что касается зерновых культур, то от их

употребления в пищу тоже следует отказаться, потому что из любого зерна, при благоприятных условиях, могло бы развиваться полноценное растение.

Казалось, что из этого положения не было никакого выхода, и профессор предложил обратиться к высокочтимому оракулу, к которому нигдейцы всегда обращались в подобных случаях. Ходили слухи, что профессор был в близких отношениях с женщиной, выполнявшей священнические функции при оракуле, а члены пуританской партии прямо обвиняли профессора в закулисной сделке. Было ли то правдой или нет, нам неизвестно. Только оракул провозгласил примерно следующее:

Бить или убить,
Битым быть или убитым быть,
Всё живое любя,
Каждый решает сам для себя.

Из этого ответа было ясно, что не только употребление в пищу овощей, но даже и употребление в пищу мяса – это дело личного выбора. Пуритане были в ярости. А некоторые были уверены, что всю свою науку о правах растений философ придумал именно для того, чтобы в конечном итоге оправдать употребление в пищу мяса убитых животных. Тем не менее, законы, запрещающие есть мясо и мясные продукты, были почти единодушно отменены. Таким вот образом после столетних блужданий в философских дебрях здравый смысл наконец-то восторжествовал. Даже правоверные пуритане после нескольких попыток питаться только джемом из гнилых яблок и пожелтевшими капустными листьями подчинились неизбежности и перешли на ростбиф и баранину со всеми обычными растительными приправами.

Можно было бы предположить, что печальный опыт приверженности учению древних пророков, не говоря уже о рекомендациях новейших учёных, надолго отвратил нигдейцев от следования подобным учениям и рекомендациям, вне зависимости от того,

ссылается ли очередной пророк на откровение свыше или нет. Но потребность в вере так глубоко коренится в душе человека, что даже обладая знанием, люди нуждаются в вере, потому что она освобождает их от необходимости думать самостоятельно, поэтому прошло совсем немного времени – и простодушные нигдейцы снова отдались во власть учёных и философов, которые приобрели над ними небывалую доселе власть, заставив их поверить в то, о чём я уже говорил в предыдущих главах. Я думаю, что у нигдейцев нет и не будет никакой надежды на исправление, пока они не поймут, что разум, не контролируемый инстинктом, так же плох, как и инстинкт, неконтролируемый разумом.

ПОБЕГ

Несмотря на занятость работой по переводу вышеупомянутых книг, я также обдумывал план побега с моей возлюбленной А. И как раз вовремя. Потому что я получил письмо от одного из своих приятелей с сообщением о том, что меня скоро привлекут к суду. Формально – за то, что я болел в детстве корью, а фактически – за то, что у меня были в собственности часы, и за то, что я, якобы, намеревался возродить производство машин. Я спросил: "При чём тут корь?" Мне ответили, что, в случае если присяжные признают меня виновным, судья, из уважения к моему детскому в то время возрасту, назначит мне меньшее наказание, чем мог бы, если бы меня обвинили в заболевании тифом или оспой. Мне дали понять, что если Его величество не изменит своего решения, то суд состоится в ближайшие несколько дней...

Я планировал совершить побег с моей возлюбленной на воздушном шаре. Как ни трудно в это поверить, но я добился расположения Королевы, которая милостиво разрешила мне построить воздушный шар. Мне удалось убедить Королеву в том, что для постройки воздушного шара мне не понадобятся никакие машины – только промасленный шёлк, большая корзина, верёвки и лёгкий газ, секрет производства которого был известен ещё в древности. Королева до такой степени хотела увидеть, как человек поднимается в небо на воздушном шаре, что постаралась заглушить в себе угрызения совести и повелела историкам научить рабочих производству этого газа. Даже не спросив разрешения у Короля, она приказала служанке закупить большое количество шёлка.

К сожалению, я и понятия не имел, как можно построить воздушный шар. Я также не знал, как мне удастся взять с собою в полёт мою возлюбленную. Но другого способа

совершить побег из Нигдеи у нас не было, и безвыходность нашего положения вдохновила меня на создание чертежей, по которым рабочие смогли изготовить то, что нам требовалось. Корзина тоже была готова, хотя мне стоило большого труда привязать её к шару – спасибо знающим своё дело мастерам, которые сообразили лучше меня, как это можно сделать.

Около того времени случилась засуха и в храмах совершались моления о ниспослании дождя. Я сказал Королеве, что, поднявшись в небо на воздушном шаре, я мог бы постараться лично убедить ответственное за ниспослание дождя божество смилостивиться над несчастными нигдейцами. Конечно, для христианина такое предложение граничило с языческой ересью, но с тех пор я уже многократно в этом каялся и клялся, что этого никогда не повторится. Тем более, что это моё прегрешение могло бы стать основой для обращения всего населения Нигдеи в христианство.

Когда Король впервые услышал о моём предложении построить воздушный шар, он только рассмеялся в ответ. Позднее он начал склоняться к тому, чтобы запретить это дело, но, будучи любящим супругом, не смог отказать Королеве в её прихоти, тем более, что он по-прежнему не верил в успех моего предприятия. Он был уверен, что, даже если мне удастся оторваться от земли, мой воздушный шар вскорости развалится на части и рухнет на землю, а я сверну себе шею, и таким образом они от меня избавятся. Ну а если я останусь жив, то меня можно будет наказать за неудачную попытку договориться с соответствующим божеством. Он убедил в этом и Королеву, и она даже начала меня отговаривать от моей затеи, но я настаивал – на том основании, что все необходимые материальные вложения были уже сделаны. Ни Король, ни Королева, конечно, не знали,

что, судя по форме облаков, на высоте нескольких тысяч футов существовало устойчивое воздушное течение, которое быстро увлекло бы меня в нужном мне направлении...

Моей следующей задачей было открыть подробности этого плана моей возлюбленной и найти способ взять её с собой в полёт. Конечно, она согласилась бежать со мной, но что если она испугается опасности нашего воздушного путешествия? Тогда все мои усилия по строительству воздушного шара окажутся напрасными... Она не испугалась. Через её горничную я договорился о встрече. В сумерках я проник в сад через заднюю калитку, которую горничная намеренно оставила незапертой, и в назначенное время я уже ожидал там мою возлюбленную. Лето было в самом разгаре, листва на деревьях была густая, и мне удалось в том саду хорошо спрятаться... Вечер был восхитительный! Солнце уже село, но над руинами железнодорожного вокзала всё ещё играли розовые солнечные блики, а с холма открывался чудесный вид на город, мерцающий множеством огней, которые на горизонте сливались с солнечными бликами. Я не мог не заметить этой красоты, но мне нельзя было слишком отвлекаться от моей цели... Наконец, за кустами мелькнула женская фигура в белом платье – и через минуту я уже прижимал к сердцу мою любимую А. и покрывал её лицо бесчисленными поцелуями. Мы забыли обо всём на свете, и из блаженного забытья нас вывел только встревоженный голос горничной, которая напомнила нам о необходимости себя контролировать. Я снова повторил для А. все детали плана, обращая особое внимание на все опасности нашего предприятия и сказал, что одного только её слова будет достаточно, чтобы отказаться от этого плана и от всякой возможности совершить побег в другую часть мира, где мы могли бы стать счастливыми супругами. Но моя возлюбленная не выразила никаких сомнений или колебаний. Я сказал ей, что она должна выглядеть весёлой и беспечной, чтобы не

возбудить каких-нибудь подозрений своих домашних, а в назначенный день я проведу её в мастерскую и спрячу в корзине воздушного шара среди мешков с балластом. На этом мы и расстались.

Я торопился с осуществлением моего плана, потому что боялся, что может пойти дождь, и тогда Король изменит своё решение. Но погода была по-прежнему сухая, и очень скоро всё было готово, а в корзину загрузили полторы дюжины мешков с балластом. Для защиты от холода мне разрешено было взять с собой в корзину несколько одеял. На следующее утро после окончания всех работ я должен был подняться в небо на воздушном шаре. В уплату за их помощь, я отдал главному мастеру и горничной А. все деньги, которые у меня оставались от моей пенсии. Главный мастер помог мне спрятать среди балласта значительный запас еды и воды и отправил всех своих рабочих по домам. Ранним утром в назначенный день моя возлюбленная, переодетая в платье своей горничной, появилась в мастерской, и я спрятал её среди одеял и мешков с балластом. Она сказала мне, что в то утро она должна была сходить в банк и что до завтрака её никто не хватится, но потом её могут начать искать. До начала полёта оставалось ещё немало времени, но я не мог ждать и, забравшись в корзину, с нетерпением наблюдал, как наш воздушный шар наполняется газом. Багажа у меня никакого не было, если не считать запаса провизии, нескольких книг, над переводом которых я все эти дни работал, а также моих дневников и записей.

Я с нетерпением ожидал назначенного часа и страшно боялся, что её домашние обнаружат отсутствие А. прежде, чем мы успеем подняться в небо – за два часа многое могло случиться...

Наконец, наш воздушный шар был наполнен газом и оставался на земле только благодаря рабочим, удерживающим его с помощью верёвок. Я смотрел по сторонам, отчаянно ожидая появления королевской четы, но они так и не появились. Взглянув на дом м-ра N., я не увидел признаков для беспокойства, потому что время завтрака ещё не наступило. Вокруг нас начала собираться толпа. Хотя все знали, что мне грозит суд, среди простого люда я был популярен. Все старались меня подбодрить и от души желали мне успеха... Я разговорился с одним джентльменом, рассказав ему об официальной цели моего путешествия. Не знаю, что он обо мне подумал, потому что у меня сложилось впечатление, что он верит в существование божества, ответственного за ниспослание дождя, не больше, чем я (а я в это не верил)... Но тут я увидел нескольких человек, со всех ног бегущих к нашей мастерской со стороны дома м-ра N. Сердце у меня замерло, решающий момент наступил, и я закричал рабочим, удерживающим наш шар (их было около тридцати человек), чтобы они разом отпустили верёвки. Я сопровождал свои крики неистовыми жестами, обозначающими крайнюю опасность. Большинство из них мне подчинились, а остальные уже никакими усилиями не могли бы удержать шар на земле. Наш шар начал плавно подниматься в небо, хотя с высоты это выглядело так, как будто это земля под нами проваливается куда-то вниз... В этот момент толпа разделилась. Кто-то выкрикивал мне вслед пожелания удачи, а остальные слушали размахивающих руками людей, прибежавших из дома м-ра N. Промедли мы хотя бы ещё одну минуту – и наше путешествие закончилось бы не начавшись. Но за эту минуту мы уже успели подняться на значительную высоту, и оставшиеся на земле люди стремительно уменьшались в размерах и теряли чёткие очертания... Через очень короткое время я уже не видел вокруг себя ничего, кроме бескрайнего голубого неба...

Поначалу наш шар поднимался вертикально вверх, но минут через пять я заметил, что мы движемся параллельно земле. Я этому удивился, потому что не чувствовал почти никакого ветра (я тогда не знал, что люди, путешествующие на воздушном шаре, не чувствуют ветра, потому что, уносимые им, они движутся в том же направлении). И только теперь я с облегчением вздохнул от осознания того, что мы, наверное, пролетели уже несколько сотен миль и Нигдея с нигдейцами остались далеко позади...

Я освободил А. из её укрытия. Руки и ноги у неё онемели, оставаясь без движения. Но я тут же снова укрыл её одеялами, так как воздух становился всё холоднее. Ну а затем началось нечто напоминающее горячечный сон – я и сегодня вспоминаю всё это с большим трудом. Я смутно помню, что мои усы и борода покрылись инеем, что мы очень долго, несколько часов, двигались в густом тумане, ничего не видя за пределами нашей корзины, кроме большого тёмного шара над нашей головой. А. едва могла говорить от холода, но самым мучительным было ощущение, что мы никуда не движемся, хотя, по моим расчётам, мы должны были попасть в сильное воздушное течение. Вскоре, однако, я увидел через разрывы в облаках землю, и понял, что мы всё же движемся. Но потом облака снова окутали нас, и это неприятное ощущение, что мы стоим на месте, снова к нам вернулось. К нему добавился какой-то полуживотный страх, что эти облака никогда не кончатся. Мы не знали точно, сколько прошло времени. Мы ели, когда чувствовали голод, полагая, что от одного приёма пищи до другого проходило несколько часов. А потом наступила тёмная, тревожная, безлунная ночь...

К утру всё переменилось. Облака рассеялись, и мы увидели на небе ярко сияющие утренние звёзды. А изумительный восход солнца был самым замечательным из всех восходов, какие я только видел в своей жизни... Далеко внизу виднелись вершины гор,

покрытые снегом. Из-за большой высоты дышать становилось всё труднее, но я не хотел опускаться ниже, потому что не знал, сколько ещё времени мы продержимся в воздухе. Я благодарил судьбу за то, что уже почти сутки наш воздушный шар позволял нам сохранять значительную высоту. Через пару часов мы миновали горную гряду, которая протянулась, я думаю, на 150 миль, и я снова увидел обширную равнину, граница которой терялась за горизонтом. Я понятия не имел, где мы находились, но я не хотел и думать о снижении, потому что мне хотелось сохранить подъёмную силу нашего воздушного шара как можно дольше. Я надеялся, что мы уже летим над той страной, с которой я начал своё путешествие, и с волнением, хотя и безуспешно, искал глазами хоть какую-нибудь знакомую местность. Мы не хотели снижаться ещё и потому, что опасались оказаться на территории Нигдеи или в стране, населённой кровожадными дикарями. А потом мы снова попали в облачный туман и снова потеряли счёт времени. Как же мне не хватало моих часов! Мне казалось, что не только движение наше прекратилось, но и самое время вдруг остановилось. Иногда я держал руку на пульсе, пытаюсь по числу ударов хотя бы примерно определить длительность часа или получаса, чтобы убедиться, что нас не унесло в какое-то вечное безвременье. После нескольких таких попыток я уснул и мне приснился скорый поезд, в облаках шипящего пара и в шуме железного лязга прибывающий на станцию. Я проснулся с ощущением тревоги и страха, однако шум проходящего поезда не исчез с моим пробуждением, и я понял, что я слышу эти звуки наяву. Что это были за звуки, я не знал, но, удаляясь, они всё больше и больше затихали, пока не затихли совсем.

Через несколько часов облака рассеялись. Я посмотрел вниз – и кровь застыла у меня в жилах: я увидел внизу бескрайнее море и белые барашки на бурных чёрных волнах. Моя возлюбленная спала мирным сном на дне корзины, и я, глядя на её спокойное

и красивое лицо, проклинал себя за ту беду, которую я на неё навлек. Я готовился к самому худшему, потому что наш воздушный шар начал довольно быстро снижаться. Я выбросил из корзины мешок с балластом – шар снова набрал высоту, но через несколько часов мы опять начали снижаться и я выбросил из корзины ещё один мешок. Эта борьба продолжалась всю ночь и весь следующий день, и я все глаза проглядел, но так и не увидел на поверхности моря ни одного паруса. К тому времени мы уже выбросили из корзины всё, что могли. У нас заканчивалась питьевая вода. Чтобы продержаться в воздухе ещё час или хотя бы несколько минут, мы выбросили в море даже запас провизии – к великой радости круживших над волнами альбатросов, а когда до воды оставалось всего несколько футов я расстался и со своими книгами, сохраняя до последней минуты только свои переводы и записи. Хотя мы знали, что страшный конец уже близок, мы старались не терять присутствия духа и, как могли, подбадривали друг друга...

Приближалась ночь. Мы в очередной раз попрощались друг с другом и приготовились к смерти. Наша корзина каким-то чудом держалась ещё на воде. Я почувствовал, что погружаюсь в какое-то забытьё, от которого уже не будет пробуждения... И в этот самый момент А. взяла меня за плечо и указала на огонёк справа от нас. В следующий момент мы с ней уже истошно кричали, моля о помощи, а ещё через несколько минут чьи-то сильные заботливые руки втащили нас на палубу оказавшегося рядом с нами итальянского корабля...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как мы узнали позднее, нас подобрала в тысяче миль от берега. Корабль назывался "Принц Умберто" и следовал в Геную. Капитан любезно согласился подтвердить перед властями правдивость нашей истории. Как только мы оказались на борту, капитан принялся расспрашивать нас об осаде немцами Парижа, поскольку он почему-то думал, что мы были парижанами. Как можно догадаться, я ничего не знал о войне между Францией и Германией (позже выяснилось, что к тому времени Париж уже был взят немецкими войсками) и я был настолько слаб, что безмолвно соглашался с его предположениями. Я плохо понимаю по-итальянски и мало что понял из того, о чём он говорил. Я не сообщил ему об истинной причине нашего побега из Нигдеи и, опять же, соглашался со всеми его предположениями, которые вкратце сводились к тому, что на воздушном шаре нас было десять или двенадцать человек, что я был английским лордом, а моя спутница – русской графиней, что все наши остальные компаньоны утонули в море, а мы потеряли все наши документы. История получилась не слишком правдоподобная, но я с ней согласился...

Через несколько дней нам повстречалось английское судно, идущее с грузом шерсти из Мельбурна в Лондон. Капитан итальянского корабля согласился на мою настойчивую просьбу, сигнальщик связался с англичанами, и вскоре мы были перевезены на борт английского судна. Море было беспокойное, и за хлопотами по спуску и подъёму шлюпки нас забыли спросить, каким образом мы оказались на борту итальянского корабля. Я слышал, как один из итальянских моряков кричал что-то из шлюпки по-французски о том, что нас подобрала в море после крушения нашего воздушного шара, но

из-за шума ветра английский капитан так ничего и не понял. Он предположил, что мы стали жертвами кораблекрушения, и, когда он спросил меня о названии корабля, потерпевшего крушение, я сказал ему, что я и моя гостья из Перу катались на прогулочном шлюпе, но сильное течение унесло нас в море, где все наши спутники погибли и только мы двое спаслись...

На борту оказалось несколько пассажиров – очень хороших людей, которым мы будем вечно обязаны за их доброту по отношению к нам, и мне до сих пор стыдно вспоминать о том, что я утаил от них правду и решил ничего не рассказывать им о Нигдее и об обстоятельствах нашего побега. В то время мне так часто приходилось лгать и обманывать, что только надежда на милостивое прощение Всевышнего хоть как-то успокаивала мою совесть.

Среди пассажиров оказался священник, который и обручил нас прямо на борту корабля.

Наши долгие скитания наконец закончились, и через два месяца мы прибыли в Лондон. Наши благородные спутники собрали для нас немного денег, и мы с женой смогли добраться до графства Сомерсетшир, где раньше жили мои сёстры и мать. Там я узнал печальную новость о том, что мать моя умерла и что смерть её была ускорена известием о моей гибели (сбежавший от меня в горах проводник сказал всем остальным, что я утонул в горной реке)... Мои сёстры были обе замужем, но жили небогато. Поэтому, как мне показалось, моему возвращению там никто особенно не обрадовался...

Мы с женой поселились в Лондоне. Я зарабатывал тем, что писал для каких-то журналов рассказы о моих приключениях, а мой старый друг помогал мне протолкнуть их в печать. Платили мне хорошо, особенно – за написанные мной брошюры для Общества

по распространению религиозного просвещения, которые в большом количестве продавались на улицах Лондона и на железнодорожных вокзалах. Когда у меня находилось свободное время, я приводил в порядок свои записки (которые вы только что прочитали) и разрабатывал (впоследствии официально одобренный) план обращения нигдейцев в христианство. В Нигдею планировалось послать группу из десятка миссионеров, и мне удалось уговорить нескольких бизнесменов пожертвовать на эту миссию 50 тысяч фунтов стерлингов – в обмен на будущие привилегии в торговле с этой страной. На эти деньги планировалось зафрахтовать грузовой пароход с двумя или тремя пушками (для защиты от возможных нападений дикарей) и основать в указанном мною месте на берегу реки, ведущей в Нигдею, укреплённое поселение. В дальнейшем там планировалось устроить плантации сахарного тростника...

Так начиналась история новой английской колонии, и я горжусь тем, что мне довелось стать одним из её основателей...

* * *